

Сад камней

Автор:

Влада Ольховская

Сад камней

Влада Ольховская

Кира Лисова оказывается в тупике: денег нет ни копейки, в съемную комнату со спасенным на улице щенком не пустят, перспектив никаких. Именно в этот момент она узнает, что миллионер, о котором она раньше даже не слышала, завещал ей все, что ему принадлежало. Теперь Кире предстоит разобраться, как она связана с загадочным благодетелем и почему он, наблюдая за ней всю ее жизнь, так и не познакомился с Кирой.

Опасность еще и в том, что на многомиллионное состояние претендуют другие наследники, поэтому Кира вынуждена спастись в уникальном особняке, под крышей которого скрываются зловещие тайны прошлого.

Влада Ольховская

Сад камней

1. Турмалин

Из кустов донесся отчаянный щенячий визг, потом – крики и сдавленная ругань.

– Вот ведь тварь мелкая, все-таки цапнул меня!

– Где нож?

– Да куда-то в траву упал...

– Плевать на нож, я ему сейчас руками клыки вырву!

– Он верткий, зараза, прирезать проще!

Кира остановилась посреди дорожки, как вкопанная. Она прекрасно понимала, что сейчас ей следовало бы поступить наоборот: ускорить шаг, чтобы как можно скорее миновать пустынную часть парка. Здравый смысл не просто шептал, он вопил об этом, требуя, чтобы она дала себе пинок под зад и бежала домой на всех парах, позабыв о том, что слышала здесь.

Но Кира так не могла. Потому что собака, скрытая где-то в густых зарослях сирени, продолжала отчаянно выть. А еще – потому, что Кира узнала три голоса, звучащие там.

Лом, Игнатьич и Белый были частью маленькой экосистемы парка, известной немногим, – его обитателями и, по их версии, хозяевами. Сами себя они гордо именовали свободными людьми. Перед всеми остальными они представляли в куда менее привлекательной роли бомжей и алкоголиков. На таких добровольно закрывают глаза, стараются побыстрее пройти мимо, чтобы не чувствовать вонь... причин не связываться с ними хватает. Никого не интересуют их имена и истории, никому это просто не нужно.

Однако Кира их знала – потому что она, сама того не желая, тоже стала частичкой экосистемы парка. Это, впрочем, не означало, что она рвалась пообщаться с обитателями сиреневых зарослей поближе. Для нее они просто были чуть менее опасны, чем для ее ровесницы, случайно оказавшейся здесь. Они знали ее имя, знали, что у нее есть друзья, и не собирались к ней цепляться, она к ним – тоже, и, проходя мимо их территории, Кира была уверена, что их пути вообще не пересекутся. Но потом был этот визг, так похожий на крик о помощи...

До нее доходили слухи о том, что троица местных бомжей не брезгует самыми примитивными способами получения пищи – охотой и собирательством, совсем как их далекие предки, державшие на плечах всю теорию эволюции. Нет, Лом,

Игнатъич и Белый не были любителями откормленных парковых голубей или вонючих крыс, выловленных у канализации, но иногда они пропивали деньги куда быстрее, чем получали новые, и приходилось довольствоваться тем, что есть.

Сейчас прохладный воздух ранней осени был наполнен запахом дыма, а в кустах выл щенок – похоже, совсем маленький. Соотнести одно с другим было несложно, и пройти мимо Кира уже не могла. Проклиная себя за мягкотелость, она свернула с дорожки в мокрую после дождя траву и направилась к кустам.

Ее догадки оказались верными: сирень, как стена, скрывала от посторонних глаз протоптанную площадку, где бродяги, похоже, частенько бывали этим летом. Тихий и нелюдимый Лом был занят разведением костра, который никак не желал разгораться на сырых дровах. Неподалеку стояла старая кастрюля, наполненная мутной водой, и над ней как раз спорили Игнатъич и Белый. Белый держал в руках плотный грязный мешок, в котором подвывало и дергалось что-то очень маленькое – по размеру больше похожее на кошку или даже на котенка. Игнатъич с возмущенным видом обсасывал окровавленную руку, хотя с его откровенно гнилыми зубами это было плохой идеей.

Они мгновенно заметили Киру, да она и не пыталась скрыться. Она лишь с удивлением подумала о том, что не боится – уже не боится. Это раньше вид этих троих, двое из которых были отсидевшими свое уголовниками, привел бы ее в ужас. Но теперь многое изменилось... все изменилось, пожалуй. Хочешь быть частью этой экосистемы, маленького мира, где выживают не все, – приспособляйся.

Правда, то, что она не смогла пойти своей дорогой, доказывало, что приспособилась она не так уж хорошо.

– Собаку отдайте, – просто сказала Кира.

– С чего это? – возмутился Белый. – Она наша!

– То, что вы сперли, не всегда становится вашим.

– Мы ни хрена не перли! Это, – Белый потрянул мешок, и щенок испуганно затих, – ничье! Они все наши были!

Теперь Кира начинала понимать – и где они взяли щенка, и почему он такой маленький. В парке порой появлялись бродячие собаки, собачьи свадьбы тоже случались. Скорее всего, одна из сук, бродивших тут весной, в парке же и разродилась. Она то ли бросила щенков, то ли их украли, сложно сказать. В любом случае, Белый намекал, что изначально их тут было несколько, а остался только один. Кира почувствовала укол омерзения, переплетенного со страхом, но быстро подавила его. Сейчас – худший момент для того, чтобы испугаться!

Из этих троих, по-настоящему опасен был только один: Игнатъич. Лом – тихий, ему проблемы с полицией не нужны, да и болеет он сильно. Белый – тупой, как пробка, все, что появляется у него в башке, сразу вылетает через рот, он просто не способен плести интриги и планировать. А вот Игнатъич – другое дело. Он, говорят, за решеткой больше лет провел, чем на свободе. Правда, возраст потрепал его, и получать новый срок ему хотелось не больше, чем Лому, но это не делало его менее опасным.

– Шла б ты отсюда, – посоветовал Игнатъич. – Нечего тут таким ранимым телочкам делать, иди малюй – или что ты там делаешь? Или можешь присоединиться, но свою порцию придется отработать.

Кира знала, что он ее провоцирует. Это только в фильмах бродяги, бандиты и прочие не слишком приятные личности сразу же думают о том, как изнасиловать одинокую красавицу. Но настоящая жизнь куда прагматичней, и в этот сырой, промозглый вечер бродягам куда больше хотелось горячей похлебки, чем сомнительных развлечений на мокрой траве. К тому же, Кира старалась сделать все, чтобы не вызывать такой интерес: носила свободные джинсы и бесформенную байку на три размера больше, чем нужно, не пользовалась косметикой и завешивала лицо взлохмаченными воронными волосами. Так что Игнатъич старался скорее задеть ее, вынудить поджать носик и уйти.

А еще у него не переставала кровоточить рука – и, судя по размеру укуса, челюсти у щенка были совсем маленькие. Как только Кира уйдет, этим троим вполне может хватить ума из мстительности сварить песика заживо!

Поэтому уходить она не собиралась.

– Я хочу забрать собаку. Что для этого нужно?

Она скрестила руки на груди, и со стороны казалось, что ее ничто по-настоящему не волнует. Бродяги не должны были догадаться, что так Кира пыталась скрыть нервную дрожь.

- Вали отсюда! - рявкнул Белый. - Не до тебя сейчас!

- Быстрее, - буркнул Лом. Похоже, он уже заждался ужина.

Но они не имели значения, только не сейчас. Поэтому Кира даже не смотрела на них, ее взгляд был прикован к серым, мутным глазам Игнатъича. Как он решит, так и будет.

- Двадцать штук, - заявил Игнатъич.

- За дворнягу, которую вы сперли? - поразились Кира.

- Ничо не сперли, тебе ж сказали - добыли! Кто добыл, тот и хозяин, а хозяин сам цену назначает. Есть у тебя двадцать штук, рисовалка?

- Игнатъич, это несерьезно...

- Seriously, - отрезал он. - Или двадцать штук, или вали отсюда, мешаешь!

И тут Кира поняла, что он не намерен торговаться. Да что там, он и переговорами это не считает! Он абсолютно уверен, что на спасение дворняжки она больше тысячи не потратит... Потому что никто из них троих не потратил бы. Игнатъич просто хотел придать всему, что здесь происходило, хотя бы видимость цивилизованности, создать иллюзию, за которой все равно скрылась бы расправа над живым существом.

Щенок, словно почувствовав неизбежность своей судьбы, уже даже не вырывался. Он тихо поскуливал в мешке, а потом и вовсе затих, выбившись из сил. Хотя упрямый, малыш, раз так руку этому уроду порвал...

Кира, со стороны все еще казавшаяся равнодушной ледяной статуей, отчаянно пыталась сообразить, что делать. Развернуться и уйти? Да они ж собаку тут заживо сварят! Торговаться? Есть риск разозлить Игнатъича, и тогда уже ей

несдобровать, потому что мир между бродягами и уличными художниками был призрачным и зыбким. Позвать полицию? Да в жизни патрульные не потащатся в эти заросли ради дворняги! Да и потом, даже если они все-таки придут, будет уже слишком поздно.

Путь был только один: выполнить условие. Поговаривали, что Игнатъич еще с зоны отличается принципиальностью: если он что-то сказал, то сделает, даже если ему самому от этого хуже. Поэтому Кире нужно было держаться за этот вариант.

- Что стала? Вали! - поторопил ее Белый.

Лом уже разжег костер и теперь подвесил над ним закопченную кастрюлю. Нож они так и не нашли, да уже и не искали. Зачем, если так просто, когда закипит, вытряхнуть содержимое мешка прямо туда?

Кира сжала кулаки в немой злости. Хотелось просто броситься вперед и ударить этой кастрюлей прямо по самодовольной роже Игнатъича! Но - нельзя, потому что она одна в жизни не справится с тремя бродягами.

Поэтому она молча сняла рюкзак, поставила на землю и опустилась на одно колено рядом с ним.

- Ты что, серьезно собралась купить это? - фыркнул Игнатъич. - Да ты совсем больная, рисовалка! Есть у тебя хоть двадцать штук-то?

Этого Кира как раз не знала. Сейчас у нее в рюкзаке были все ее деньги - до последней копейки, но даже так она не бралась сказать, сколько там. Если бы бродяги решили ограбить ее, Киру ожидало бы незавидное будущее. Заначек и накоплений у нее не было - откуда? Не с ее жизнью! Правда, еще полчаса назад она была уверена, что сегодня у нее все скорее хорошо, чем плохо. Группа туристов раскупила все маленькие картины, которые она принесла в парк, и этих денег ей вполне хватило бы на ближайшие дни - легко!

Но «эти деньги» - всего пятнадцать тысяч. То, чего хватило бы на несколько дней человеку, не хватит на одну спасительную минуту для собаки. Ирония.

Она не могла отступить, поэтому Кира продолжала обыскивать рюкзак. Ее действия веселили бомжей, но промелькнувшие деньги интриговали.

Кира решила испытать удачу:

- Пятнадцать есть, больше нету. Устроит?

Чувствовалось, что двух бродяг эта сумма устроила бы – и даже больше. Глаза Лома жадно блеснули, Белый с мешком уже направился к ней – но Игнатъич решительно остановил его.

- Нет. Или двадцать, или никак.

- Да ты чего? – удивился Белый. – Эта шавка столько не стоит, мы на пятнадцать штук пожрем больше, чем с этой похлебки, сам знаешь!

- Нет, я сказал!

И спорить с ним никто не решился. Кира чувствовала, что бывший зэк пошел на принцип.

Нервная дрожь нарастала, ей было холодно, руки почти не слушались. Она боялась, но боялась не за себя. Живое воображение художницы слишком хорошо представляло, что будет, если маленького щенка швырнут в бурлящий кипяток. От образов, которые мелькали перед глазами, взгляд туманили злые слезы, которые она старалась побыстрее сморгнуть, чтобы не веселить Игнатъича. Она должна была все изменить... Она сейчас даже не думала о том, что у нее ничего не останется, ей нужно было просто найти проклятые двадцать тысяч! То, что для какой-нибудь гламурной девочки с губами-уткой было ценой одного коктейля, для Киры оказалось слишком большими деньгами, и это унижало.

Игнатъич начинал терять терпение:

- Быстрее, киса! Или деньги, или вали отсюда, вода закипает!

Вода действительно закипала, над кастрюлей появился первый легкий пар, а значит, времени оставалось все меньше.

В кошельке нашлось еще три тысячи с небольшим, по разным карманам рюкзака – чуть больше тысячи. Когда ее отчаянный поиск был окончен, Кира обнаружила у себя на руках почти всю сумму... но это почти могло стать роковым.

– Игнатьич, девятнадцать девятьсот пятьдесят. Тебя устроит?

– Нет.

– Ты издеваешься?! – не выдержала Кира. – За пятьдесят рублей собаку заживо сваришь?!

– Не за пятьдесят рублей, а за идею!

– Какую, к чертям, идею?!

– Как я сказал, так и будет, – отрезал Игнатьич. – Вот какую идею!

От нелепой жестокости происходящего хотелось кричать. Или плакать. Или сделать какую-нибудь глупость – хоть что-то, чтобы потом было легче успокоить себя, когда отчаянный вой собаки вернется в ночных кошмарах. Но вместо того, чтобы подталкивать ее к безрассудству, память услужливо подбросила другой вариант.

Еще в первой половине дня, когда она попрощалась с первыми клиентами и была уверена, что ее сегодняшней ужин будет стоить не меньше пяти тысяч, она заметила, что на асфальте валяется смятая, грязная бумажка – сто рублей. Побираться Кира не собиралась, не ради того она всегда сама зарабатывала на жизнь! Поэтому бумажку она подняла, просто чтобы выбросить, но ее отвлекли новые покупатели. Истертая купюра перекечевала в задний карман джинсов, да так там и осталась. Что там говорят про знаки судьбы?..

Двадцать тысяч пятьдесят рублей. Все, что у нее было, – и больше, чем нужно.

От нервного перенапряжения кружилась голова, Кире хотелось, чтобы это все побыстрее закончилось. Но она не сомневалась, что бродяги этого не замечают, иначе они не были бы сейчас так спокойны, отняли бы и деньги, и щенка, да еще

и ее избили бы. Однако пока Кира казалась им невозмутимой, они не рисковали связываться с ней, боялись, что у нее есть какой-то туз в рукаве. А туза не было – только блеф.

– Ладно, рисовалка, поздравляю с удачной покупкой! – издевательски произнес Игнатъич. Он забрал у Белого завязанный мешок и швырнул Кире. – О котках в мешке я слышал, но чтоб собаку в мешке покупали – такого еще не было! Дура ты все-таки. Все вы, бабы, дуры жалостливые!

– Что ж тогда тебя никто не пожалел, – проворчала себе под нос Кира.

Однако огрызаться она не решилась, ей нужно было уйти, пока полумрак был на ее стороне и скрывал от этой троицы, что она плачет. Она поспешно закинула рюкзак обратно за спину, спрятала мешок под безразмерную байку и побежала обратно к дорожке, провожаемая радостным хохотом бродяг.

* * *

Щенок был совсем маленьким, размером с трехлитровую банку, пожалуй. Ушки и глаза у него открылись недавно, взгляд все еще был серо-голубым и мутным. Тельце с большой головой, ушками-лопухами и раздутым, как воздушный шарик, животом казалось несуразным, однако толстые лапки уже намекали, что через пару месяцев мальчишка станет таким, что Игнатъич и компания к нему близко не подойдут.

Все это Кира обнаружила на автобусной остановке, когда первый поток слез завершился и ледяная хватка шока ослабла. Она сидела на старой деревянной лавке, смотрела на щенка, а щенок смотрел на нее. Зверек устал и дрожал не меньше, чем его неожиданная спасительница. Но он не пытался вырваться и убежать, словно почувствовав, что человек, который держит его сейчас, не собирается ему вредить. А может, сообразил, что им лучше остаться вместе, потому что они, никому не нужные, даже похожи?

– Дурень ты, – вздохнула Кира. – Как ты им попался-то? Хотя у тебя и выбора не было, куда ты убежишь на своих этих обрубочках... А вот я дура, и это не случайность, а выбор. Парень, у меня для тебя дурные новости: жить нам не на что. Вообще.

Долгая дорога домой в полупустом автобусе оставляла немало времени на размышления, и это были не самые приятные мысли.

А ведь лет пятнадцать назад все было бы по-другому... Она, всегда мечтавшая о собаке, шла бы домой медленно, волнуясь. Она прижимала бы к себе теплое тельце щенка и думала о том, как уговорить маму и дедушку оставить его. Она бы этого хотела!

Но вот она вдруг не взволнованная школьница в скромном платье, а взрослая тетка, которой ни у кого не нужно просить разрешения. Потому что мамы нет и дедушки тоже нет, и никто теперь не будет о ней заботиться, только сама – все сама.

– Сейчас опять с тобой реветь буду, – всхлипнула Кира. И песик, только-только заснувший, встрепенулся и обеспокоенно на нее посмотрел. – Да не бойся ты, обратно не верну... Как-нибудь выкрутимся.

Ее дед как-то сказал, что любовь к спасенному тобой существу – это особенная любовь. Ты вроде как уже шагнул в его жизнь, и это теперь твоя ответственность, но еще и твоя заслуга. Кира наконец поняла, что он имел в виду.

– Слушай, мне ж тебя назвать как-то надо, а? Представиться не хочешь, супчик дня? Нет? Ладно... тогда Супчиком и останешься. Радуйся, что только на словах.

Щенок то ли был слишком утомлен событиями дня, то ли имя ему и правда понравилось. Он зевнул и улегся спать на коленях у Киры. Ему не нужно было думать о том, что она не имеет права его оставить.

Дело было не только в деньгах, хотя и это важный аргумент. Кира снимала комнату в коммуналке, и хотя это местечко больше напоминало притон после апокалипсиса, хозяйка была против любых домашних животных. Казалось бы – тараканы уже поселились, блохи в коридоре то и дело попадают, чего еще бояться? Но нет, четвероногим друзьям человека вход был строго запрещен, а соседи наверняка поспешат доложить, чтобы заработать себе скидку за оплату жилья.

Значит, придется съезжать уже на этой неделе. Снимать другую комнату, перевозить вещи... Да еще и о другом живом существе заботиться – к такому надо привыкнуть! Кира знала только один способ сделать это, хотя он ей катастрофически не нравился.

У нее была всего одна вещь, за которую можно было получить деньги быстро, уже этим вечером – нужно только до ломбарда дойти. Яркий турмалиновый кулон – последняя светлая ниточка, связывавшая ее с детством и временами, когда все еще было хорошо. Но что толку держаться за прошлое? Это она могла перебиться лапшой быстрого приготовления. Щенку нужно было молоко – какой смысл спасать его от бомжей, чтобы уморить голодом?

Так что воспоминание нужно просто взять – и отнять у самой себя. Резко, быстро, как снимают повязку, присохшую к ране. Трудно будет? А пускай! В руках у нее живое существо, которое от нее зависит, а турмалин – это просто холодный камень. Так чем нужно пожертвовать? Разве это не очевидно?

– Дедушка, а почему эти камни такие... разноцветные?

– Это турмалин, Кир. Как, ты не знаешь?

– Нет...

– Это потому что турмалин упал по радуге и впитал в себя ее цвета. Видишь?

Кира зло стерла новые слезы до того, как они успели сорваться с ресниц. Хватит уже реветь! Да, турмалиновый кулон – последняя вещь, которой касался ее дед, и ей не хотелось терять эту нить. Но пока можно успокоить себя мыслями о том, что она, вероятно, еще выкупит украшение из ломбарда, так что все не так уж плохо! Впрочем, бессердечный глас рассудка шептал, что ничего она не выкупит, просто не успеет в срок.

Подходя к дому, она спрятала мешок со щенком под байку. Пока песик Супчик, еще не привыкший к новому имени, сидел тихо, был шанс проскочить незамеченными. Однако в глубине души Кира понимала, как это наивно: не сдадут сегодня – позвонят хозяйке завтра! Но на один день ей хватило бед, и сейчас хотелось покоя.

Впрочем, удача решила взять реванш за те сто рублей, что она подкинула в последний момент. Едва Кира вошла в грязный, обшарпанный коридор общей квартиры, как к ней бросилась Марина – соседка, которая ее терпеть не могла, да и не скрывала этого.

Однако сейчас Марина не казалась ни нервной, ни озлобленной. Напротив, она была рада видеть Киру... Рада? С чего бы? Кира даже решила, что ошиблась, неправильно истолковала счастливую улыбку соседки, однако Марина, обычно начинавшая вопить без предупреждения, на этот раз заворковала.

– Кирусик! Как хорошо, что ты вернулась!

Кирусик? Нет, это определенно галлюцинация!

– А что, я могла не вернуться? – удивилась Кира. – Ты же знаешь, где я была!

Марина знала и это, и то, чем Кира занимается. На этом и строилась их неприязнь, слишком вялая, чтобы превратиться в настоящую вражду. Марина была убеждена, что уличные художники – это те же воры и проститутки, просто пытающиеся прикрыться за масками людей искусства. Соседка верила, что каждое утро Кира выбрасывает свои картинки в мусорный контейнер, идет на панель и именно там зарабатывает те деньги, которые вечером приносит домой. Кира же не пыталась переубедить ее. Зачем? Почему ее должно волновать мнение какой-то полубезумной тетки?

Сегодня Марина впервые сумела заинтриговать ее.

– Просто обычно ты возвращаешься пораньше, Кирусик, – заискивающе улыбнулась соседка. – Вот я и решила: может, как раз сегодня ты собралась переночевать у кого-то из друзей? Какая ирония была бы – сегодня, из всех дней!

– Да почему ирония-то?

– Так ты не знаешь, дорогая? До тебя не дозвонились?

– Ты прекрасно понимаешь, что до меня не могли дозвониться.

Телефона у Киры не было уже давно, она не видела смысла тратить на это деньги. Конечно, она могла бы позволить себе простенькую трубку, если бы захотела, однако ей это было не нужно.

Все равно не осталось людей, которые хотели бы ей звонить.

- Тебя сегодня очень искали, - загадочно сообщила Марина. - Какие-то люди в дорогих костюмах... Ну вот прямо очень дорогих!

- А ты разбираешься в дорогих костюмах? - не сдержалась Кира.

- Да тут не только в костюмах дело, на них все было дорогое, сразу видно - не менты!

Как и большинство громких ханжей, Марина скрывала в своем прошлом то, в чем теперь пыталась обвинить других. В частности, она не один год проработала проституткой и считала, что именно это давало ей право рассуждать о чужой морали: мол, она была - и исправилась! С тех пор Марина терпеть не могла полицейских и испытывала благоговейный трепет перед богатыми людьми.

Кира трепета не чувствовала, но и как это понимать - не знала. Как она ни старалась, она не могла вспомнить никаких «людей в дорогих костюмах», которые стали бы ее разыскивать. Она сейчас на мели - но она никому ничего не должна!

Под байкой сонно зашевелился щенок, словно напоминая, что разговор с соседкой лучше сократить.

- Чего они хотели?

Марина сделала глубокий вдох, за которым последовала долгая пауза - которой, пожалуй, полагалось быть театральной, но получилась она уж очень раздражающей.

- Быстрее! - поторопила Кира.

Соседка ухнула, как лопнувший воздушный шарик, ей наверняка хотелось объявить что-то очень торжественно. Теперь же пришлось отвечать быстро и обиженно:

– Зря ноешь! Ты теперь богата, по ходу. Они искали тебя, чтобы сообщить, что тебе досталось огромное наследство!

* * *

Две недели назад.

Хрустальный бокал с жалобным звоном ударился о стену и осыпался на пол сотнями искристых осколков. От этого должно было стать легче, а стало только хуже. Злость переполняла Антона, ему хотелось выпустить ее хоть как-то, пока она не сожгла его изнутри. Разбить что-нибудь, а лучше – начать драку и бить, бить, чувствуя, как горячая кровь покрывает ссаженные костяшки пальцев. Да, это всегда помогало!

Но тут бить было некого. Рядом с ним остался только Виктор, которого Антон в глубине души побаивался. Пришлось довольствоваться бокалами, но радости от этого было немного.

Виктор наблюдал за ним со снисходительным спокойствием взрослого, вынужденного следить за избалованным ребенком.

– Закончил? – сухо поинтересовался он. – А теперь сядь и угомонись.

Но угомониться не получалось. Память злыми осами атаковали образы, от которых Антон не отказался бы укрыться. Заводы и магазины. Контракты. Дома. Спортивные автомобили. Банковские счета. Драгоценности и деньги, все эти деньги... Богатство, которое должно было принадлежать ему, только что пролетело мимо!

– Проклятый старик! – простонал Антон. – Надеюсь, он сейчас горит в аду!

– Ты веришь в ад?

– Ради такого готов поверить!

– Уймись, сказал же! – нахмурился Виктор. – Еще не все потеряно.

– Думаешь, удастся признать его невменяемым?

– Вряд ли, этот кретин подготовился ко всему, завещание составлено очень грамотно, да и адвокат его настроен решительно – они были друзьями. Но мы еще поборемся!

– С кем, с мертвецом?!

– С законом. Выход должен быть!

Виктор старался казаться уверенным, решительным даже. Однако Антон чувствовал: он и сам не слишком верит в возможности закона. Даже если победа достижима, она отнимет у них немало денег, сил и времени.

Если она достижима. А если нет? Что делать тогда?

Это была черная мысль, страшная, способная погасить злость в его душе. Антон устало опустился на диван и подпер голову руками.

– Он что, все переписал на нее? – глухо спросил он. – Вот буквально все?

– Нет. Вроде бы, оставил несколько банковских счетов – Наде, своей жене и Соньке твоей.

Но если мы говорим про бизнес, то да – все, что принадлежало ему.

– А ему принадлежало все!

Он знал, что старик попытается повернуть нечто подобное, но понадеялся, что у него наглости не хватит. Да конечно! Стоило ли ожидать смирения от умирающего?

Чуть успокоившись, Антон снова посмотрел на Виктора. Он знал, что один с этим бардаком не справится, а вместе... Вместе у них еще был шанс.

- Так что это за девка, как там ее...

- Кира Лисова, - подсказал Виктор. - О ней мало что известно.

- Кто она вообще ему?

- В том-то и дело, что никто. Ее никогда не видели в его окружении, и раньше он не упоминал это имя. Я тебе больше скажу, даже его адвокат, шавка эта старая, похоже, не знает, кто она такая и где ее искать.

Просто замечательно, вполне в духе этого старого пердуна! Он так хотел сделать гадость Антону и остальным, что переписал все имущество на какую-то подзаборную шалаву!

- Может, это его любовница какая? - предположил Антон.

- Не было у него любовниц. Это еще перепроверят, но пока мои люди сходятся в одном: он ни с кем не встречался. По крайней мере, регулярно.

- Хм... Внебрачная дочь?

- У него не могло быть детей, - указал Виктор. - Поэтому их и не было - ни брачных, ни внебрачных. Только Сонька твоя.

- Но Соньку этот урод так и не удочерил официально!

- Ты главное об этом на суде не кричи.

- Может, и до суда не дойдет? - с надеждой спросил Антон. - Если эту девку не найдут, например!

- Суд все равно будет, чтобы оспорить завещание. Но если ее не найдут, нам будет намного проще. Одно дело - бороться с законной наследницей, другое - с

тем, чтобы имущество и деньги не растаскали непонятно куда.

- Законная наследница она, как же... Десять раз!

- Пока завещание в силе – законная, – пожал плечами Виктор.

- Слушай, на тебя посмотреть, так тебе вообще пофиг от всего, что случилось!

- Мне не пофиг. Просто я не отчаиваюсь и жду, что будет дальше. Если эту Лисову не найдут – отлично, будем бороться с системой.

- А если найдут?

- Если найдут – будем бороться с системой и с Кирой Лисовой. Уж не знаю, где старик нашел эту девку и почему выбрал именно ее, но своему наследству она будет радоваться недолго. Скоро она пожалеет о том, что я узнал ее имя.

* * *

На нее смотрели с подозрением, но это Киру как раз не удивляло. Она не выглядела откровенной попрошайкой или даже городской сумасшедшей – однако определенные подозрения у людей вызывала.

Утром выяснилось, что из приличной одежды у нее осталось только длинное вязаное платье, которое пришлось сочетать с ботинками на шнуровке, потому что идти предстояло далеко, и изящные туфли превращались в непозволительную роскошь. Волосы Кира кое-как уложила, хотя чувствовалось, что они, непокорные от природы, остро нуждаются в стрижке. На левом плече у нее висел рюкзак, а в правой руке она держала только что купленный поводок, к которому привыкал Супчик.

Расставаться с турмалиновым кулоном все же не пришлось. Марина, почуяв, что у соседки скоро появятся деньги, сама предложила дать ей в долг. Она даже не стала устраивать скандал из-за Супчика, хотя Кира все равно не решилась оставить песика наедине с соседкой.

Поэтому теперь она стояла с ним на пороге роскошного холла, по которому сновали дорого одетые люди, явно обеспокоенные ее появлением. Но именно в это здание ее привела визитка, оставленная вчерашними посетителями Марине.

Стараясь не смотреть на охранников, Кира взяла щенка на руки и подошла к стойке рецепции.

– Здравствуйте, я ищу... – Она достала из рюкзака визитку и прочитала имя. – Сергея Михайловича Мирина.

Вопреки ее ожиданиям, девушка-администратор смотрела на нее спокойно, без враждебности и снобизма.

– Сергей Михайлович работает здесь, – кивнула она. – По какому вы вопросу?

– Понятия не имею, он сам вчера приходил ко мне домой и искал меня. Сегодня я пришла узнать, зачем.

– Простите, но я не могу пропустить вас туда с собакой...

– Значит, я никуда не пойду.

Возможно, если бы она была гламурной блондинкой, привыкшей носить в сумочке элитную собачонку, ни у кого не возникло бы вопросов. Но Супчик не тянул ни на чихуахуа, ни на шпица. Белый с рыжими и черными пятнами, лопоухий и несуразный, он был явным представителем древнейшей из пород – дворняг.

– Вы можете привязать его на улице, – неуверенно предложила администратор.

– Проще уж сразу в туалет смыть. Слушайте, мне от этого Сергея Михалыча ничего не надо, это он искал меня. Если я уйду сейчас, возможно, он попытается искать снова, но застать меня дома не так просто. А кому это надо? Да никому!

– Давайте я сообщу ему, что вы здесь... Как, простите, вас зовут?

– Кира Лисова. И если окажется, что он искал не меня, – пожалуйста, я буду только рада уйти.

Кира была почти уверена, что адвокат все-таки ошибся. Это Марина могла ликовать по поводу внезапного наследства. Кира, в отличие от соседки, прекрасно знала, что никто ей ничего завещать не мог. У нее не осталось родных людей, она всех потеряла!

Так что она ожидала, что ее проводят к выходу, а вместо этого ее пригласили подняться наверх, больше не настаивая на том, чтобы она оставила собаку. Видимо, неведомый ей Сергей Михайлович умел добиваться исключения из правил.

В этом мире, дорогом и показательном, Кира чувствовала себя откровенно лишней, здесь ей было так же неудобно, как в логове бомжей. Но, как и там, она умело изображала спокойствие, ожидая, что будет дальше.

А дальше был роскошный кабинет и пожилой мужчина в дорогом деловом костюме, который так впечатлил Марину. Перед адвокатом Кира чувствовала себя школьницей, которую вызвали к директору за плохое поведение. Она инстинктивно сжалась в массивном кожаном кресле и плотнее прижалась к тебе щенка.

– Я вас не совсем такой себе представлял, – задумчиво произнес Мирин.

– А я вас вообще никак себе не представляла. Вы сказали моей соседке, что мне досталось какое-то там наследство, но я уверена, что произошла ошибка.

– Кира Дмитриевна, смею заверить вас, что ошибки не было. А наследство вы получили не какое-то там, а то, которое включает вас в десятку богатейших людей мира в возрасте до тридцати лет. Мои поздравления.

– Вы шутите, что ли? – нахмурилась Кира.

– Нисколько. Вы были знакомы с Константином Александровичем Шереметьевым?

– Даже не слышала о таком!

– А вот он вас очень хорошо знал и именно вам оставил все свое состояние.

Константин Шереметьев, скончавшийся несколько недель назад от инфаркта, оказался влиятельным и обеспеченным бизнесменом. Он занимался поставкой драгоценных и полудрагоценных камней, изготовлением и продажей ювелирных изделий, ресторанным и строительным бизнесом.

Шереметьев оказался удачливей многих коллег, он благополучно преодолел все кризисы и к финальному этапу жизни подошел весьма состоятельным человеком. Но переживания прошлого дали о себе знать, и до глубокой старости он так и не дожил. Шереметьева похоронили, адвокат огласил завещание, и оказалось, что все имущество покойного и его доля в бизнесе переходят вовсе не тем, кто считал себя законными наследниками.

Своим единственным преемником Константин Шереметьев назвал совсем другого человека...

– Меня? – не поверила Кира. – Вы хотите сказать, что он все оставил мне?

– Практически все. Часть денежных средств он передал другим людям, но, поверьте, вас это не обеднит.

– Еще бы, ведь наследство на самом деле не мое! Уж не знаю, где и как вкралась ошибка, но ко мне это не имеет никакого отношения.

Теперь уже она не сомневалась в этом. Отправляясь сюда, Кира еще надеялась, что может получить какое-то наследство. Возможно, скончался добрый друг ее деда? Или знакомый ее матери – она ведь тоже когда-то была нормальным человеком!

Но теперь она совершенно четко видела: адвокат ошибся, он нашел не ту Киру Лисову. Она этого Шереметьева знать не знала, она не была связана с его бизнесом и уж точно не собиралась претендовать на наследство, которое должно было достаться кому-то другому!

Значит, придется возвращаться в прогнившую коммуналку и все-таки продавать турмалиновый кулон. Потому что Марина, узнав, что золотых гор не будет, вмиг растеряет свое добродушие.

Однако Мирин был неумолим:

- Ошибки не было, речь действительно идет о вас, Кира Дмитриевна.

- Да я этого Шереметьева даже не знала!

- Да, он предупреждал меня об этом.

- Чего?.. - растерялась Кира.

- Видите ли, мы с Константином Александровичем никогда не были близкими друзьями, но мы неплохо общались много лет. Составляя завещание, он предупредил меня, что его оглашение может привести к некоторым... сложностям. Поэтому я считаю своим долгом поддержать вас. Он имел в виду вас и наследство оставил именно вам.

Словно желая это подтвердить, Мирин протянул Кире фотографию - ее фотографию! Она сделала этот снимок несколько лет назад, когда меняла паспорт. Вот только как он попал к адвокату?

Хотя не важно, как. Эта фотография, ее не самое распространенное имя... все пока указывало на то, что в завещании упомянута именно она. Но на главный вопрос это не отвечало.

- Почему... почему я?

- Он не сказал мне об этом. Но Константин Александрович считал, что вы сами все поймете.

- Я? Каким это образом, интересно, если сам он уже ничего не скажет, а вы объяснить не можете?

– Не берусь сказать, – ответил Мирин. – Для меня сейчас важнее выполнить свою работу, а именно – сделать все, чтобы вы получили наследство.

– Вас послушать, так это целый квест!

– Да, просто не будет.

– Тут простого вообще ничего нет, – вздохнула Кира. – Что, ради этих денег мне нужно всего лишь продать свою бессмертную душу?

– Нет, с вашей стороны уже ничего не требуется, только ждать. Основная работа предстоит мне.

– Какая еще работа?

– Видите ли, люди, считавшие себя наследниками, без понимания отнеслись к тому, что Константин Александрович передал все вам. Они уже подали иск в суд, чтобы вернуть себе хотя бы часть наследства, а желательно – все.

Просто замечательно... Как будто ей было мало сюрпризов на один день! Да, она не была знакома с этими наследниками, однако несложно было догадаться, что люди, смело претендующие на такие деньги, простыми не будут.

– Не беспокойтесь, – поспешил продолжить Мирин, заметив, очевидно, ее реакцию. – Константин Александрович предполагал, что так будет, он все продумал. Пока идут суды, вы можете пожить в его личном доме, который, кстати, по завещанию тоже достается вам.

– Что значит – личном доме? А остальные дома у него что, публичные были?

– В остальных домах он принимал гостей, в этом – нет. Даже прислугу, помогавшую ему там, он, как правило, привозил из стран третьего мира, чтобы это были люди, неспособные рассказать его тайны. В этом доме он прожил последние годы жизни.

Все это напоминало историю про сумасшедшего. А если так, то наследникам будет несложно доказать, что завещание недействительно! Кира была уверена,

что рано или поздно ее выставят с позором, не стоит и влезать в эту историю.

С другой стороны, что если все это не случайно? Что если у этого Шереметьева, кем бы он ни был, нашлась причина сделать наследницей именно ее? Он ведь намекнул, что у нее есть шанс разобраться в этом!

А если так, то подсказку можно найти только в его доме. Да и потом, что она теряет? Из коммуналки ее все равно выставят, как пить дать. Может, и неплохо будет пожить неделю-другую в человеческих условиях!

Щенок беспокойно зашевелился у нее на руках, словно указывая, что и он не против сменить чемоданы и поиск нового жилья на уют и покой...

- То есть, мне придется жить в доме, полном охраны? - уточнила Кира.

- Я могу предоставить вам охрану, если вы захотите, но Константин Александрович этого не просил.

- Мне полагается просто запереться в его доме?

- Мне кажется, это лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, - многозначительно произнес Мирин. - В этом доме установлена очень любопытная система охраны, да и сам он выполнен по уникальному проекту. Давайте поступим так... Сегодня я отвезу вас туда и покажу дом, а вы решите, оставаться в нем или нет.

2. Оникс

- Это что... дом? - удивленно прошептала Кира. - Вот это вот всё - дом одного человека?

Мирин, определенно бывавший здесь раньше, не был так впечатлен, но и смеяться над ней не стал. Да оно и понятно, кто угодно был бы поражен на ее месте!

Поместье Константина Шереметьева, которое сам он назвал «Сад камней», было огромным. Нет, на первый взгляд это было не так заметно, потому что дом был грамотно спроектирован и окружен лесом. Архитектор и ландшафтный дизайнер сделали все, чтобы грандиозная постройка не резала линию горизонта, а дополняла ее. Это был дом для людей, не давящий, как древний храм, а уютный.

Но стоило присмотреться повнимательней, увидеть, где заканчиваются сосны и где начинаются стены, и становилось понятно, что особняк Шереметьева легко превзойдет размером маленькую деревню. Здание было каким-то непостижимым образом встроено прямо в пологий холм, служивший ему основанием. Это и позволяло ему слиться с окружающим миром – это, да еще деревянные стены из крупного сруба и роскошный сад, разбитый прямо на многоуровневой крыше. Кира вдруг подумала, что с какого-нибудь спутника это место, пожалуй, будет казаться всего лишь цветущей поляной посреди леса, к которой зачем-то ведет хорошая асфальтовая дорога.

При всем своем великолепии, сейчас дом казался нежилым – слишком уж здесь было тихо. Мирин упомянул, что после смерти хозяина всю прислугу отсюда отпустили. А поскольку завещание пока не оспорили, приблизиться к особняку могла только Кира. Но даже до этого родственники Шереметьева сюда не приезжали, он просто не позволял им. Когда Кира впервые услышала об этом, ей показалось, что здесь она обнаружит логово безумного отшельника. Однако теперь, глядя на «Сад камней», она понимала, что тут несложно потерять счет времени.

– Да, это все – дом, строившийся по проекту, разработанному эксклюзивно для Константина Александровича, – подтвердил адвокат.

– Но зачем ему такая машина?

– Он мне не отчитывался, но рискну предположить, что в этом доме Константин Александрович хотел оставить свое наследие – не наследство, а именно наследие, все, что было важно для него при жизни. А поскольку человеком он был необычным, потребовались значительные площади.

– Он ведь не был старым... Откуда он знал, что умирает?

– За пару лет до этого у него был первый инфаркт. Это не означало смертный приговор, но заставило его задуматься о будущем. Пойдемте, я провожу вас в дом. Экскурсию, увы, устроить не смогу, я и сам бывал здесь лишь пару раз и видел только те комнаты, которые Константин Александрович счел нужным показать мне. Но вы увидите больше... все, если вам угодно.

Кира ничего не ответила, она просто прижала к себе щенка. Супчик ровным счетом ничего не понимал, поэтому тревоги не чувствовал. Он выспался, поел и теперь старательно выкручивался, собираясь познавать окружающий мир опытным путем. Ему это место не казалось подозрительным, его манила мягкая трава газонов. Как ни странно, наивная жизнерадостность щенка гасила тревогу, которая сжигала Киру изнутри. Забавно... совсем недавно она была уверена, что это она спасла песика – а теперь уже сложно было сказать, кто кого спасает.

Покинутая усадьба была тихой и величественной, как дворец, лишившийся короля. Впрочем, это было лишь ощущение, иллюзия, не покидавшая Киру. В самих интерьерах не было ничего откровенно роскошного, они были такими же уютными и домашними, как весь «Сад камней». И все же ни у кого не возникло бы сомнений, что здесь собрано только лучшее – и все это очень дорого.

Они не стали углубляться в усадьбу, прошли только в холл-гостиную и остановились там.

– Как я уже сказал, экскурсии с моей стороны не будет. Но определенная подсказка у меня для вас есть. – Мирин кивнул на массивную книгу, лежащую на зеркальном столике. – Это инструкция, описывающая все возможности «Сада камней».

– Ох, ничего себе, – присвистнула Кира. – Ее часом не Толстой писал? Я сейчас не буду даже говорить о том, что это первая на моей памяти инструкция к жилому дому. Вы лучше объясните мне, почему она такая огромная!

– Это не просто жилой дом. В «Саде камней» задействованы лучшие современные разработки, начиная с системы «умный дом» и великолепной системы безопасности. Скажу честно, даже я не во всем этом разобрался. Но вы можете, если хотите. У вас будет на это время.

– Я еще не решила, останусь ли я здесь!

– Не решили, однако я все же позволю себе выразить согласие с Константином Александровичем: вам лучше остаться, – указал Мирин. – Даже больше, когда я уйду, вам лучше активировать систему безопасности. Она заблокирует все окна и двери, превратив «Сад камней» в своего рода бункер.

– Вы издеваетесь? – возмутилась Кира. – У меня тут, вообще-то, собака!

– Смею предположить, что нынешний размер вашей собаки позволит ей наслаждаться прогулками по саду на крыше, доступ туда вы сохраните. А когда собака станет побольше, суды, надеюсь, закончатся, и вы будете полноправной хозяйкой этих лесов.

– Еще и лесов?!

– Именно так.

Новость была спорной. С одной стороны, мысль о том, что все это действительно может достаться ей, пленила. Еще вчера у нее не было ничего, даже денег на жалкую пачку молока, а теперь у нее своя крепость, леса, заводы... что там еще оставил добрый дядюшка Шереметьев? А с другой стороны, это имущество – трофей, за который прошлые наследники наверняка будут сражаться до последней капли крови.

Да и потом, странно все это. Ситуация, в которой оказалась Кира, была слишком нереальной. Больше похоже на какой-то извращенный розыгрыш, одно из тех реалити-шоу, которыми развлекаются толстосумы! Хотя Мирин – солидный адвокат, он не стал бы позориться, участвуя в организации такой аферы. Или стал бы?..

– Я не понимаю, как мое заточение здесь пойдет на пользу всей истории, – вздохнула Кира.

– Это не заточение, вы можете выйти в любой момент. Нет необходимости оставаться здесь, но на суде это упростило бы мне задачу.

– Опять же, почему?

– Сейчас родственники Константина Александровича будут делать ставку на то, что вы – мошенница, – неохотно признал Мирин. – Это голословное обвинение, но люди не всегда видят ситуацию объективно. Если вы будете перемещаться между квартирами Шереметьева, они наверняка заявят, что вы вывозите оттуда имущество. С «Садом камней» это будет особенно просто, ведь никто не знает, что именно здесь хранится, никто ничего не проверит. Каждый ваш вход и выход они попытаются трактовать как вынос ценностей.

– Бред какой-то... А если я буду сидеть здесь, всем покажется, что я – милая девочка, которая уважает волю усопшего?

– Что-то в этом роде, да, – кивнул адвокат.

– Но кто подтвердит, что я была здесь? Я ведь одна, а показания Супчика суд вряд ли примет во внимание!

Мирин еле заметно улыбнулся:

– Думаю, мы сможем освободить уважаемого Супчика от необходимости давать показания.

То, что вы были здесь, подтвердит дом.

– Э... Это как вообще?

– Камеры слежения, – пояснил Мирин. – Журнал открытия и закрытия дверей. Датчики движения. Я ведь сказал вам: это совершенная система.

– И что, ее данные учтут на суде?

– Почему нет? Они будут стоять не меньше, чем пустые попытки обвинить вас в воровстве непонятно чего. Но это сработает, только если вы активизируете систему безопасности. Только она будет фиксировать все ваши перемещения.

– То есть, если я запру здесь сама себя?

- Да.

Перспектива была та еще... Да, это красивый дом, это большой дом – очень большой, на один только осмотр у нее уйдет не меньше недели! Но красивая тюрьма – это все равно тюрьма.

- Сколько это продлится? – спросила Кира. – Ну, примерно.

- Вам нужно настроиться на то, что вы здесь проведете не меньше месяца. Если, конечно, решитесь.

- Я месяц без еды не проживу...

- Почему – без еды? – удивился Мирин. – Рядом с кухней находится кладовая, вчера туда привезли полный набор необходимых продуктов.

- Вчера? Вы ведь даже не знали, что я приеду сюда!

- Но я знал, что нашел вас. Я просто выполняю инструкции Константина Александровича, а он верил, что вы решите остаться. Так вот, с едой проблем не будет, с водой – тоже. Если вы решите, что вам что-то нужно, вы можете связаться со мной или самостоятельно заказать доставку. Но лучше со мной.

Он не сказал, что вместо курьера доставки к ней может прибыть совсем уж нежеланный гость. Она и так поняла.

Вот сейчас ей следовало бы развернуться и уйти, однако Кира чувствовала, что не может.

Перед ней открывалось нечто новое, интересное – а на другой чаше весов не было ничего такого, за что следовало бы бороться.

- Хорошо, а мобильная связь? А интернет?

- Здесь все есть, – ответил Мирин. – Кира, вы серьезно думаете, что этот дом может распознать вес человека, проходящего по коридору, но не может открыть

для вас «Гугл»?

– Я ничего еще не думаю, я пытаюсь понять, в каком Зазеркалье я вдруг оказалась!

– Если вы решите остаться здесь, у вас будет время побольше узнать и о Константине Александровиче, и о людях, которые подали на вас в суд.

Вот ведь хитрая лисица... Мирин не уговаривал ее остаться напрямую, однако он то и дело бросал такие вот намеки, разжигая ее любопытство.

Остаться было страшно. Она ведь одна на всем белом свете! Если это и правда какая-то игра, с ней могут сделать что угодно, никто не станет ее искать и защищать. И все же... почему она? Среди сотен, тысяч одиноких девушек, которые бродят по улицам мегаполиса, почему она?

– Вы уверены, что не ошиблись, что все это подготовлено именно для меня? – жалобно спросила Кира.

Теперь у адвоката было полное право разозлиться на нее, ведь она повторяла этот вопрос далеко не первый раз. Однако Мирин остался спокоен, как скала, он не достиг бы таких высот в своей профессии, если бы легко поддавался гневу.

Вместо того, чтобы отчитывать Киру, он кивнул на небольшой прибор со светящимся монитором, закрепленный на стене.

– Вы знаете, что это такое?

– Похоже на одну из тех штук, которые в магазинах висят, чтобы покупатели цену проверяли...

– Близко, но нет. Это тоже сканер, но сканер для отпечатков пальцев. Это вид авторизации, как в мобильном телефоне, если вам проще от такого сравнения. Именно благодаря ему далеко не все могут управлять внутренними системами дома. Я, например, не могу запустить сигнализацию, а вы можете.

– Я? – переспросила Кира. – Как я могу что-то сделать, если моих отпечатков пальцев в системе точно нет!

– А вы попробуйте.

Она осторожно опустила Супчика на пол, и песик, далекий от любых забот, с радостным топотом умчался в коридор. Кира пока не обращала на него внимания, она медленно подошла к датчику и приложила руку к экрану.

Первые пару секунд ничего не происходило, и она почти позволила себе поверить, что Мирин ошибся. А потом на датчике загорелся зеленый огонек и на экране появилась надпись: «Добро пожаловать, Кира Дмитриевна!»

Кира испуганно отшатнулась от датчика.

– Чертовщина какая-то! Этого не может быть!

– Но есть, – указал Мирин. – Я понимаю, что это все неожиданно и не совсем понятно. Не буду скрывать, я тоже понимаю не все. Но я общался с Константином Александровичем в последние месяцы перед его смертью. Он хотел, чтобы это были вы. Не случайная девушка из толпы, не какая-то незнакомка, нет. Он хотел, чтобы самые важные вещи его жизни достались именно вам, Кира Дмитриевна.

– Но откуда у него мои отпечатки пальцев?!

– Получить их проще, чем вы думаете. Но поскольку методы, которые в первую очередь приходят на ум, не совсем законны, я отказываюсь от дальнейших комментариев.

Такое не происходит просто так, невозможно! У всего должно быть объяснение, и Кира выбрала самое очевидное.

– Я... я ведь не могу оказаться его дочерью?

О своем отце она знала мало, только то, что редко и зло рассказывала мать. С ее подачи Кира свыклась с мыслью, что она – дочь мелкого уголовника, жалкого

неудачника, который испоганил жизнь себе и близким. Он угодил в тюрьму еще до ее рождения и сгнил там, когда она была совсем маленькой девочкой. Кира его никогда не видела, да и не искала. Но что если?..

Однако Мирин лишь мягко улыбнулся:

– Боюсь, что нет. В силу некоторых особенностей здоровья у Константина Александровича не могло быть детей. Я, конечно, могу заказать ДНК-тест, если вас интересует возможное родство, пусть и не прямое. И все же я бы предположил, что дело не в этом.

– А в чем тогда?

– Не знаю.

Но Шереметьев знал – и он хотел, чтобы она осталась в этом доме! Что если это не случайно? Он оставил для нее подсказки, потому что не доверял никому, даже своему адвокату. Вот только нужно ли ей лезть во все это? Такая секретность возникает не от хорошей жизни!

– Мне обязательно принимать решение сейчас? – спросила Кира.

– Вам не обязательно принимать решение вообще, вы можете проигнорировать мои советы и жить так, как жили раньше. Но это точно не защитит вас от встреч с родственниками Константина Александровича, а этот дом – может. Когда вы активируете систему безопасности, она начнет следить за всеми вашими перемещениями. Поэтому я рекомендовал бы вам сделать это, когда вы будете уверены в своем выборе. А сейчас мне нужно возвращаться, уже достаточно поздно.

– Я, пожалуй, останусь здесь... Пока. Но я не говорю, что принимаю условия этого Шереметьева!

– Передо мной вы вообще можете не отчитываться, – пожал плечами адвокат. – Вы – свободный человек. Если вы решите уехать, вы можете вызвать такси, или я кого-нибудь пришлю за вами.

– Да, я поняла... спасибо.

Она проводила Мирина до выхода, но сама так и не покинула дом. Над лесом уже сгущались сумерки, и Кире срочно нужно было понять, как быть дальше.

Уехать или остаться?

Отказаться от всего или бороться за то, что не должно принадлежать ей, но почему-то принадлежит?

Все это было слишком сложно, поэтому Кира пока отстранилась от наследства и сосредоточилась на Шереметьеве. Ей нужно было понять, почему он выбрал именно ее, и тогда, возможно, станет ясно, можно ли брать его деньги.

В доме были фотографии покойного хозяина, так Кира и узнала, как выглядел ее неожиданный благодетель. На нее не похож, совсем... Но дядька симпатичный. Высокий, чуть полноватый, смуглый и с пепельно-серыми волосами. Взгляд спокойный и умный, совсем уж не подходящий для того, кто в последней вспышке безумия готов сломать жизнь незнакомой девушки.

Да и потом, он действительно умер, это Кира уже перепроверила несколько раз. О смерти известного бизнесмена Константина Шереметьева писали все, кому не лень, – а теперь одна за другой начали появляться новости об обиженных наследниках. Имя Киры в этих светских сплетнях пока не мелькало, но долго ли это продлится? Мирин, конечно, хороший адвокат, однако и он не всесилен, рано или поздно дотошные журналисты пронюхают, кому оставил свои миллионы Шереметьев.

И в этот момент ей лучше быть здесь, под защитой крепости.

– Почему я? – спросила Кира, не сводя глаз с портрета на стене. – Почему именно мне? Мог бы объяснить!

Но старая фотография ей, естественно, не ответила.

К этому моменту вернулся нагулявшийся Супчик. Выдержка щенка пока оставляла желать лучшего, да и не рисковал он далеко отходить от своей

спасительницы. Он-то как раз не сомневался, ему «Сад камней» нравился! Кира многое бы отдала за такую же беззаботность.

Бродить по этому дому она пока не рисковала, боялась заблудиться. Поэтому Кира взяла инструкцию и устроилась с ней на диване, усадив на колени Супчика.

– Не хочу даже знать, сколько луж ты уже сделал, – фыркнула она. – Хотя тебе тут, конечно, будет лучше, чем в Москве... и мне лучше. Найти бы хоть какой-то смысл во всем этом, и вообще красота была бы!

Первые два разворота были отданы схеме дома – с указанием всех комнат. Кира с удивлением обнаружила, что в «Саду камней», при всей колоссальности его размера, всего четыре спальни: одна хозяйская и три гостевые. Но это и не удивительно, если Шереметьев собирался сделать из дома свое убежище.

Ночевать в спальне покойника Кира точно не собиралась, так что ей предстояло выбрать одну из трех гостевых комнат, если она все же решит остаться. И вот теперь, рассматривая их на плане, она обнаружила нечто странное: одна из комнат была отмечена.

Ее не обводили кругом, не ставили на ней большой красный крест, и все же, если присмотреться, можно было заметить, что возле цифры 1 стоит точка. Что это, случайность? Или намек, которого она так ждала?

Если Шереметьев действительно хотел оставить ей послание, он не мог ожидать, что она обыщет весь дом – тут целый отряд нужен! Он должен был оставить ей подсказку.

– Как думаешь, Суп, с нами играют или все это действительно что-то значит? – задумчиво произнесла Кира.

Песик зевнул, не собираясь даже раздумывать над такой ерундой, важной разве что для людей.

Но от его присутствия все равно было легко, просто от того, что рядом с ней живое существо и она не одна здесь. Чем темнее становилось на улице, тем меньше сказочного оставалось в «Саду камней». Огромное поместье казалось ей

покинутым, переданным призракам. Как будто конец света уже произошёл! Все, нет больше никого и ничего, только она и этот дом-остров.

В игре теней ей виделось движение, в шуме ветра слышался шепот неживых голосов. Кира снова и снова повторяла, что это просто ее воображение, что в ее возрасте стыдно в такое верить. Но у ночи свои правила, и то, что днем казалось нелепым, с заходом солнца вдруг обретает пугающую силу. Засыпает цивилизованное, просыпается первобытное. Можно сколько угодно напоминать себе, что двери заперты, темнота за окнами все равно пугает больше. Там ведь может скрываться все, что угодно!

И только мирное посапывание Супчика ее успокаивало. Говорят ведь, что собаки чувствуют нечистую силу! А если этот пузырь спокоен, то и опасности никакой нет, так?

Проблемой стало еще и то, что она пока не разобралась в сложной системе освещения усадьбы. Это в обычной квартире можно щелкнуть выключателем – и проблемы нет. Тут попробуй найди его, выключатель этот!

Поэтому Кира поспешила уйти из холла: ей было неуютно рядом с высокими, во всю стену, окнами. На этот раз в руках она держала инструкцию, а Супчик семенил следом, не слишком довольный тем, что ему не дают отдохнуть.

Нужную спальню Кира нашла без труда, и вот там выключатель был самый обычный: кнопка у двери. Один щелчок – и комнату наполнил теплый свет, позволяющий рассмотреть изящную кованую мебель, книжные полки, светлые обои и элегантные шторы на окнах. Спальня не казалась гостевой, слишком уж много здесь было мелочей, которые обычно выдают присутствие хозяина... и все эти мелочи подходили Кире!

Она читала книги, собранные на полках. Ей нравились свечи, стоящие на туалетном столике – она бы и сама такие купила! Картины на стенах были похожи на те, что она помнила в доме своего детства. А на письменном столе...

– Это же мое! – пораженно прошептала Кира.

Она не ожидала обнаружить здесь свою вещь, но увидела. На деревянной столешнице устроился зеленовато-кофейный ангел, вырезанный из оникса,

милая статуэтка, подаренная ей когда-то дедом. Это было так давно... и сам подарок, и день, когда он исчез.

После смерти деда проблемы с деньгами не заставили себя долго ждать. Мать уносила из дома все, что можно продать, и безделушки из камней были первыми на очереди. Киру никто ни о чем не спрашивал, она была слишком мала, чтобы остановить это. Просто однажды она вернулась из школы – а статуэтки уже не было. Как и многих ее вещей...

Тогда она проплакала всю ночь, убежденная, что никогда больше не увидит ангела. Но вот он здесь, стоит, ждет ее – вопреки всем законам логики!

Хотя нет, логика тут как раз есть, ангел – очередное доказательство, что Шереметьев следил за ней, причем много лет. Этот ангел, знание ее привычек, ее отпечатки пальцев... За кем так следят? Почему? Зачем это нужно было Шереметьеву, если она – не его дочь?

– Суп, все стало слишком странным.

Щенок на всякий случай вильнул хвостом и отправился к пушистому коврику, который интересовал его куда больше, чем ониксовый ангел. Кира же медленно подошла к столу, разглядывая статуэтку. Та самая, сомнений нет: рисунок камня уникален, его невозможно повторить!

Преодолев шок, она взяла статуэтку в руки, чувствуя пальцами привычную гладкую прохладу полированной поверхности. Надо же... Кира не знала, что и думать, как она теперь должна поступить.

Однако на этом странности не закончились. Когда она подняла ангела, под ним обнаружилась небольшая щель – слишком ровная, чтобы быть трещиной, и едва заметная на фоне естественного узора дерева. Присмотревшись внимательней, Кира обнаружила, что это еще одна полка, совсем маленькая и едва заметная.

Что ж, она ждала от Шереметьева хоть какого-то намека, а он превзошел ее ожидания.

В полке хранилось письмо в запечатанном конверте. Надписей на нем не было, да и зачем они? И так понятно, кому оно предназначалось.

Забрав конверт, Кира присела на кровать, возле которой уже мирно спал Супчик. Одиночество сейчас давило, и такой момент хотелось разделить хоть с кем-то – а ей даже позвонить было некому! Раз Шереметьев не передал письмо через Мирина, значит, адвоката это не касается.

Придется справляться самой, а всякие «страшно» и «не хочется» на время просто позабыть. Письмо было написано от руки, незнакомым почерком, и все равно это пока была первая и единственная связь между ней и загадочным Константином Шереметьевым.

«Здравствуй.

Я рад, что ты зашла так далеко. У тебя всегда было (и будет) право отказаться от того, что я тебе предлагаю. Я могу представить, как ты удивлена сейчас, с каким недоверием относишься ко всему, что происходит. Я долго думал о том, как подготовить тебя к этому, и решил, что никак. Ты или справишься, или нет. Но если ты так же сильна, как твой дед, как твой отец, я уверен, что ты сможешь».

Кира ненадолго отвела взгляд, ей нужен был перерыв, пауза, чтобы свыкнуться с тем, что это – по-настоящему. Шереметьев не обращался к ней лично, не упоминал ее имя, однако для этого наверняка были свои причины. Кира чувствовала, что это все для нее.

«Даже сейчас я не могу прямо сказать тебе, что и почему произошло. Я знаю, какие вопросы ты хочешь задать мне, я тоже задал бы их. Но не все сразу, иногда прямых ответов просто недостаточно, некоторые вещи нужно узнавать постепенно, чтобы не только понять, но и прочувствовать их. Понимаешь? Чувствовать так же важно, как понимать.

Поэтому у тебя будет такая возможность. Оставшись в этом доме, ты поймешь, что и почему произошло. Послушай моего совета, включи сигнализацию, так

тебе будет спокойней. Для понимания тебе не нужна связь с внешним миром, все, что нужно, уже внутри и ждет тебя.

Ты уже знаешь, кто считает себя моими законными наследниками? Нет? Я скажу тебе. Моя приемная дочь Соня. Ее муж, Антон Мысленко. Моя бывшая жена Татьяна. Дети моего партнера по бизнесу Виктор и Надежда Завьяловы. Все или почти все они будут кричать о том, что у них есть право на эти деньги. Они будут доказывать, и порой их доказательства покажутся весьма убедительными. Но тебе лучше держаться подальше от этих людей, даже если в какой-то момент они покажутся тебе заслуживающими доверия и уважения.

Правда не всегда на виду. Я уже не смогу раскрыть ее, но ты сможешь. Я не могу заставить тебя что-то делать, но я могу попросить тебя, и я прошу. Сначала разберись во всем, выясни, что происходит сейчас и произошло раньше. Пойми, почему именно ты! А потом уже суди, был я прав или нет.

Прости за все, что я не сделал для тебя или сделал не так. В начале жизни мы все мечтаем о высоком, светлом, хорошем, а под конец вдруг оказывается, что эти мечты исказились и привели совсем не к тому, чего мы хотели. Но если не удастся все исправить, можно хотя бы попытаться... Если ты решишь послушать меня и разобраться во всем, ищи подсказку в том, что в детстве ты любила больше всего. Если же нет, я желаю тебе удачи и надеюсь, что твоя жизнь будет легче, чем моя.

К.Ш.»

Вот так-то. Он знал о ней если не все, то очень многое. Его последняя воля была головоломкой, с которой Кире никак не хотелось связываться. Даже сейчас, пока она мало что знала, от этой истории веяло реальной угрозой!

И все же...

– Суп, похоже, нам придется тут задержаться, – вздохнула Кира.

Она вышла из комнаты и направилась к одному из датчиков со сканером – она уже заметила, что такие устройства были установлены на каждом этаже. Пролистав инструкцию, она нашла запуск сигнализации и ввела нужную команду.

Дом будто ожил. Во всех комнатах и коридорах, до этого пугающе темных, загорелся неяркий свет, с мягким шелестом двинулись роллеты, закрывавшие окна, а на дверях загорелись зеленые лампочки. Пара минут – и дом был полностью изолирован от окружающего мира. От этого, возможно, должно было стать страшнее, но Кира почувствовала себя спокойнее.

«Сад камней» превратился в ее маленький мирок, где ей никто не сможет навредить.

Она позвонила Мирину и сообщила о своем решении. Потом она и Супчик убедились, что запасов еды здесь хватит на маленькую армию. Поиском подсказки Кира решила заняться завтра, за этот день она слишком устала и вскоре после ужина направилась спать с полной уверенностью, что в ближайшие недели ей не придется ни о чем беспокоиться.

А посреди ночи ее разбудил вой сирены, предупреждающий о том, что она больше не одна в доме.

* * *

1990 год.

В гараже было дымно и душно. Одинокая лампочка, покрытая многолетним слоем пыли, давала не больше света, чем подарила бы свеча. Его, рыжего, будто грязного, едва хватало, чтобы различить лица трех мужчин. Двое из них сидели на деревянных ящиках, один нашел где-то крепкую табуретку. Они молчали – потому что до этого говорили слишком долго и поняли, что порой от слов нет толку.

Бесполезно доказывать, кто прав, кто виноват. Все уже случилось, беда зависла над ними, как хищная птица, она кружила в воздухе, выбирая жертву. А они, наивные, все не могли поверить, что убежать уже не получится.

– Информация точная? – спросил Костя.

- Пять минут назад я уже говорил тебе, что да, - мрачно отозвался Андрей. - За нами придут, все уже решено.

- Но это же... Черт... Я не знаю, так не должно быть!

- В этой стране много чего не должно быть, - криво усмехнулся Валера Солодов. - Когда мы начинали всю эту байдю с кооперативом, мы сразу понимали, что можем погореть.

- Но мы ведь не погорели! - возмутился Костя. - Да, мы говорили о том, что есть риск... Да я сам вам об этом говорил, первым! Но то, что произошло, - это не риск и не наша ошибка. Это подстава чистой воды!

- А ты как хотел?

- Не так нагло!

- Как есть!

Костя не мог поверить, что это случилось, просто не мог. Они никому не переходили дорогу, никому не мешали, всегда старались действовать честно! Он не надеялся, что это вынудит конкурентов тоже вести себя честно. Однако он не ожидал, что их втянут в такое серьезное, опасное преступление.

В очередной партии товара, который они готовились распространять по Москве, нашли наркотики. Причем произошло это уже на складе, Кости там не было, и он не представлял, кем, почему и как проводился обыск. Они бы не узнали об этом до самого ареста, если бы не какие-то там связи Андрея! Костя до сих пор не знал подробностей, но его предупредили, что есть риск сесть надолго. Без вины, да еще сейчас, когда у них только-только начало получаться что-то хорошее, нужное!..

Что толку теперь об этом говорить? Кому доказывать свою невиновность? Может, и не было никаких запрещенных препаратов, и что? Есть бумага о том, что их якобы нашли.

- Посадят! - объявил Андрей. - Отошлют туда, откуда не возвращаются!

- Может, еще и докажем, что не наше это, где мы, а где препараты... - неуверенно предположил Костя.

- Сам-то себе веришь?

- Нет, но что еще остается? Бежать?

- Да не убежишь ты от этого, - поморщился Андрей. - Некуда!

- И то верно, они нас везде достанут, - кивнул Валера.

Сигаретного дыма вокруг них было столько, что слезились глаза. Реальность ускользала.

- Выход должен быть! - убежденно сказал Костя. - Он всегда есть!

- Выход, может, и есть, но такой, чтоб всем понравился... Такого нет и не будет, - вздохнул Андрей.

- В смысле?

- Да есть у меня один вариант... Но, боюсь, если я о нем скажу, вы меня сами убьете!

- Говори уже, - поторопил Валера. - Хуже, чем есть, не будет.

- Это да, но может быть лучше. Смотри, от самого бардака мы уже не отделаемся, но зачем идти на дно всем троим?

- В смысле? - удивился Костя.

А вот Валерка, как ни странно, его понял.

- Ты хочешь, чтобы ответственность за ту муть взял на себя кто-то один?

- Верно, - кивнул Андрей. - Мол, один решил подзаработать, а остальные - не в теме. Кому-то придется сесть, это без вопросов. Но можно сделать так, чтобы сел один, а не все трое.

- Даже не обсуждается, - отрезал Костя. - Понятно, что никто из нас этого не хотел. Но раз вляпались вместе, разбираться будем тоже вместе!

- Ты это... учитывай, что срок на троих не поделят поровну! Просто все получим одинаковый срок.

- И все, что мы делали, развалится, - подхватил Валера.

- Оно и так развалится!

- Э, нет! Если удастся убедить их, что это устроил только один из нас, у остальных двух еще все может получиться. Да и одному признаваться выгодней: типа, первый раз, бес попутал, легких денег захотел...

Версия была дикая. Да, они ни в чем не виноваты, все трое. Но разве этим планом они не делали ситуацию еще более чудовищной?

Косте казалось, что и обсуждать здесь нечего, но остальные двое продолжали настаивать.

- Смотри, если один сядет, то его еще могут освободить! Другие останутся на свободе и будут доказывать, что он ни в чем не виноват, что нас подставили. А так мы все трое станем преступниками и все - крышка, с концами!

- Ага, замечательный план, только одно не учли, - не выдержал Костя. - Если мы принимаем его, кто сядет? Это не на недельку, это надолго!

Теперь уже они были не так разговорчивы. Андрей и Валера отводили взгляды, потому что эта часть плана, самая трудная, и им казалась чудовищной.

- Ну, я так точно не могу, - наконец сказал Андрей.

- Отлично, ты предложил - ты и не можешь, умно!

- Нет здесь ничего умного... Думаешь, мне это нравится? Но Карина беременная ходит, забыл? Седьмой месяц уже! Я не могу ее сейчас бросить, я ж этого ребенка не увижу тогда! А если и увижу, то уже взрослым, я так не могу...

Тут уже Косте нечего было возразить. Из них троих, только Андрей был семейным. Они были на свадьбе, знали его жену – как они могли смотреть Карине в глаза после того, как отправили ее мужа на нары?

Для Андрея риск изначально был самым большим.

- Ладно, тогда я это сделаю, – вздохнул Костя. Слова казались ему тяжелыми – он будто чувствовал их вес! Но иначе уже не получалось. – Раз уж речь пошла о том, кто что теряет, но я крайний оказываюсь... Мне терять нечего.

- Тебе терять нечего, но тебя терять нельзя, – возразил Валера. – Ты прекрасно знаешь, что без тебя все рухнет.

- Да оно уже рухнуло...

- Зато с твоими мозгами можно восстановить с нуля! – указал Андрей.

- Сомневаюсь, что я вообще хочу что-то восстанавливать после такого! Но если не я, то кто тогда?

- А кто остался? – горько улыбнулся Валера. – Метод исключения не подводит!

- Тебе туда нельзя!

- Туда никому не хочется, но нельзя... Да нет, нету у меня никаких оправданий, чтобы не принять это.

- Ты же с кем-то встречаешься, – напомнил Костя.

- Да там так, несерьезно все... Мы жениться не собирались даже, без меня ей, может, и лучше будет. Нет, там не так, как у Андрюхи! И ребенка у меня нет.

– Это не повод отказываться от жизни!

– Я не отказываюсь от жизни, – возразил Валера. – Я даю вам шанс все исправить! Найдите того, кто нас подставил, докажите, что я не имею к этому никакого отношения. Думаешь, я хочу там сидеть? Нет. Но я в вас верю! Вот поэтому я и хочу, чтобы на свободе остался ты, а не я. Ты ж умный у нас... гений! А я – нет. Ты сделаешь то, на что я не способен.

Жестко, но верно. Костя никогда не кичился своим умом, однако и не отрицал, что он умнее своих товарищей. И все равно, он не мог принять такую роль, взять на себя такую ответственность!

Задымленный подвал вдруг показался ему залом суда – и не земного, а потустороннего. Он и Андрей стали высшими судьями, которые держали в руках чужую жизнь. Они точно знали, что Валерка Солодов ни в чем не виноват, однако это не мешало им приговорить его.

А худшим сейчас было то, что Костя, даже понимая неправильность происходящего, не мог возразить.

– Хорошо, – сдался он. – Пусть будет по-вашему! Это дурная идея, но... Пускай будет так, пока я не смогу все исправить!

* * *

К такому Илья был не готов. Он не сомневался, что двери будут заперты, окна – тоже. Так ведь ему не привыкать! Он умел справляться и с замками посложнее. Вот только эта проклятая сигнализация спутала ему все карты.

Не было никакого предупреждения, вот что хуже всего. Он, разумеется, знал, что кто-то прибыл в особняк – он слышал, как подъехала машина, потом зазвучали голоса. Это его нисколько не волновало: в «Саду камней» можно было хоть роту солдат разместить так, чтобы они неделю не встречались друг с другом.

Поэтому он и не паниковал, остался на месте, дожидаясь темноты. Он уже готов был бежать, когда дом вздрогнул и изменился. Блокировка дверей, роллеты,

горящие повсюду огоньки камер... Да уж, удача явно работала не в его пользу!

И все равно он не боялся. Илье случалось выпутываться и из худших ситуаций, разве могли какие-то роллеты его сдержать? Он выждал пару часов после того, как сработала сигнализация, но это, скорее, была подстраховка. Он не знал, кто остался в доме, видел только, что горит свет, и не хотел нарываться. Когда в особняке стало тихо, он направился к выходу.

Возиться с дверью он даже не собирался, решив использовать окно. Он выбрал спортивный зал, потому что был уверен: уж туда-то ночью никто не сунется. Да и окна там были большие, удобные, выходящие в сторону леса. Все должно было получиться!

Но – нет, не вышло, не сложилось. Он почти поверил, что уж сейчас роллеты поддадутся, когда его ударило током. И это не было случайностью, слишком уж вовремя это произошло! Похоже, вот так бесцеремонно создатель сигнализации охранял своих клиентов.

Удар был такой силы, что на несколько секунд у Ильи потемнело в глазах. Он почувствовал, что летит – да он и не надеялся после такого удержаться возле окна. Изменить он уже ничего не мог, ему только и оставалось, что надеяться на лучшее.

Выбор зала сыграл против него. Если бы он просто упал с такой высоты или свалился на какой-нибудь столик, все было бы не так плохо, однако его отшвырнуло напрямик на металлические полки с гантелями. Под его весом они обрушились, разбивая зеркало, раздался оглушительный грохот, и на Илью посыпался град из осколков. Была боль, острая, резкая, и он, частично оглушенный, даже не сразу понял, где, и все равно закричал... как будто это что-то могло изменить!

Он боялся, что потеряет сознание, но нет, шум утих, и он понемногу начал приходить в себя. Тогда-то Илья и обнаружил, что дела его плохи. Даже в легком освещении, которое теперь наполняло всю усадьбу, он мог разглядеть, что в его тело вонзились десятки осколков. Каждый из них был небольшим, но вместе они могли привести к серьезной кровопотере. А он даже двинуться не мог, потому что ноги ему придавило металлической полкой и гантелями! Кости, вроде, уцелели, но какой от этого толк? В таком положении он все равно не смог

бы освободиться.

Илья не привык поддаваться страху – он привык решать проблемы. Но что делать, если решения просто нет? Остатки треснувших зеркал безжалостно отражали озеро крови, окружавшее его. Оно, поначалу незаметное, просто контур вокруг его тела, все расширялось, увеличивалось, забирая у него саму жизнь. Он чувствовал нарастающее головокружение, а место страха занимала сонливость, граничащая с апатией. Как бы он ни старался, ему не удавалось сдвинуться с места, он только тревожил свежие раны, и в какой-то момент ему захотелось прекратить все это, закрыть глаза, не двигаться...

А потом в зале вспыхнул яркий свет, на миг ослепивший его – но вместе с тем, отогнавший апатию. Илья слышал, как где-то совсем близко вскрикнула женщина, а потом залаяла собачка, похоже, совсем мелкая. Пустой гулкий зал эхом разнес шаги, а спустя пару секунд над Ильей кто-то склонился, однако из-за света он не мог разглядеть, кто это.

– Живой! – произнес рядом с ним женский голос. – Потерпи чуть-чуть, я сейчас вызову «скорую»!

Только этого ему не хватало...

– Не надо «скорую»... – еле слышно произнес он.

Он знал, что вот-вот потеряет сознание, это чувство было знакомым, такое с ним уже случалось. Илья не мог это отменить, однако ему нужно было сказать ей, сделать все, чтобы она поняла.

– Слушай, парень, ты с ума сошел? Ты же кровью истечешь!

– Просто порезы. Неглубокие. Я... я вор. Мне нельзя в больницу, меня ищут...

Только это он и успел сказать. Потом шок и потеря крови сделали свое дело, погружая его в темноту.

3. Яшма

Кире казалось, что она сошла с ума. Да, сама по себе ситуация была дикой, но ее поведение и вовсе походило на безумие! Что сделал бы на ее месте нормальный человек? Вызвал полицию и медиков, все, и не важно, что там болтает этот вор! Он – не ее проблема, но станет ею, если умрет здесь, не получив грамотную помощь.

И все же в решающий момент она никому не могла позвонить. Кире показалось, что если человек в такой миг, между жизнью и смертью, просит не сдавать его, это должно быть по-настоящему важно для него.

У нее не было причин жалеть незнакомца. По сути, он сам признал, что он – преступник. Он забрался в чужой дом... в ее дом! Ей повезло, что сработала система безопасности, хотя Кира пока не подозревала, что должно было произойти, чтобы ситуация дошла до такого: вся эта кровь, осколки на полу... Времени разбираться не было, ей нужно было действовать.

Медицинского образования у Киры, конечно, не было, но о первой помощи она знала не так уж и мало. Помог и собственный опыт, и беседы с другими уличными, которые из той, прошлой, жизни вынесли самые разные знания. Поэтому, преодолев испуг, она осмотрела незваного гостя и обнаружила, что все не так уж плохо.

Она нашла на его руках небольшие электрические ожоги, а значит, от окна его отшвырнуло током. Кира сильно сомневалась, что это вообще законно, но пока у нее были заботы поважнее. Ожоги, в принципе, не угрожали жизни мужчины, а вот порезы – другое дело. Некоторые заделали вены, отсюда и обилие крови, но при этом осколки зеркала вошли неглубоко, и каждая рана сама по себе была не слишком опасной.

Кире удалось кое-как перетащить мужчину, который оказался крупным и далеко не легким, в соседнюю комнату отдыха. В спортзале была аптечка, и на удивление неплохая – там обнаружилось намного больше материалов, чем нужно для обычной первой помощи, но это и к лучшему. Следующие часы ушли на то, чтобы промыть и перевязать раны, даже зашить их. Такого Кира давно уже не делала, да и надеялась, что не доведется, но когда выбора нет, собственные возможности могут удивить.

Все это время она продолжала внимательно наблюдать за мужчиной. Он не приходил в сознание, но его дыхание оставалось глубоким и ровным, температура если и повысилась, то не критично. Сила удара и потеря крови лишили его сознания, но серьезно ему не навредили, и острой необходимости вызывать «скорую» пока не было.

- Здоровый лось, - пробубнила себе под нос Кира.

Незнакомец и правда оказался массивным, но это был вес не жира, а чистых мускулов. Кем бы он ни был, свою жизнь он точно проводил не на диване! Сейчас, когда он лежал, сложно было сказать, какого он роста, но Кира догадывалась, что повыше ее будет. Плечи и грудь широкие, руки явно сильные, на животе те самые пресловутые кубики, за которыми многие гонятся. Не похож он был на обычного уголовника, который по форточкам лазит! Да и не пролез бы он в форточку...

Но гораздо больше Киру впечатлила даже не его фигура, а коллекция шрамов на его коже. Тут было многое: пулевые так точно, и резаные, и какая-то совсем уж зловещая ребристая полоса, пересекающая плечо и спину. Его что, циркулярной пилой резали?! На фоне всего этого, не слишком аккуратные шрамы, которые останутся после неумелых швов Киры, вряд ли станут для него проблемой.

Когда перевязка была закончена, Кира смыла с него оставшуюся кровь и перевела взгляд на спокойное, бледное от потери крови лицо мужчины. И снова он был не похож на какого-нибудь там воришку, за которым любому полицейскому сразу же захочется проследить. Ровные, резкие черты лица, высокие скулы, прямой нос, аккуратные угольно-черные брови и ресницы, которым позавидовала бы любая девушка. Голову он брил на лысо, но отрастающие волосы показывали, что это его решение, а не каприз природы. Никаких татуировок, указывающих на принадлежность к преступному миру, Кира так и не увидела.

- Ну вот и что нам теперь делать, Суп? - тихо спросила она.

Супчик, естественно, не ответил. Да он не ответил бы, даже если бы мог! Утомленный насыщенным днем и волнениями ночи, щенок мирно спал, устроившись на небольшом коврикe у входа.

Кира тоже не отказалась бы вздремнуть, да не получалось. Ей нужно было срочно решить, что делать с незнакомцем. Здравый смысл призывал сдать его властям. Он преступник, и жалеть его, в общем-то, не за что. Может, Мирину позвонить? Хотя его реакция предсказуема: адвокат бросится в полицию звонить, ни в чем не разобравшись.

А в чем тут разбираться?.. Все ведь понятно!

С другой стороны, если она его сдаст, Кира снова останется одна в этом жутком, бесконечно огромном доме. Получается, даже компания преступника лучше, чем эта гнетущая тишина? Кира злилась на себя за такую уязвимость. Она много лет прожила одна, она привыкла справляться со всем без посторонней помощи! И все же здесь, в «Саду камней», одно лишь присутствие другого человеческого существа дарило ей уверенность. Как будто призраки, если они вообще существовали, не осмелились бы показаться ей, если рядом кто-то живой!

Вся эта история уже не казалась ей ошибкой. Получив письмо от Шереметьева, Кира убедилась, что она на своем месте, ее не перепутали с кем-то другим. Но легче от этого не становилось: ей предстояло смириться с мыслью, что кто-то следил за ней много лет, а потом втянул в безумную битву за наследство.

Пока все это не закончится, никому нельзя доверять, потому что любой внезапный друг может оказаться марионеткой несостоявшихся наследников Шереметьева. На этом фоне вор – не такой уж плохой вариант. Она, по крайней мере, знает, что он опасен, она отнесется к нему с должной настороженностью и не подпустит его слишком близко, однако при этом ей будет, с кем поговорить.

Да, план не такой уж плохой! Каким бы здоровяком ни был незнакомец, после такой кровопотери он еще несколько дней будет слаб, он не сможет напасть на нее. Ей нужно было поговорить с ним, понять, что он за человек такой, а потом уже принимать решение.

Ну а сейчас ей срочно требовалось отдохнуть, потому что ее силы были на пределе. Убедившись, что мужчине больше ничего не угрожает, Кира забрала спящего щенка, заблокировала дверь в комнату отдыха и отправилась в свою комнату.

До рассвета оставалось часа два.

* * *

1991 год.

Костя знал, что внешне он кажется спокойным и невозмутимым. Кто-то же должен, когда вокруг разворачивается хаос! Но в глубине души ему было далеко до той уверенности, которую он пытался изобразить.

Он не знал, что будет дальше – с ним, с бизнесом, даже со страной. К тому же, его сжигало чувство вины, лишавшее сил, мешавшее думать. На прошлой неделе он снова был в колонии. Такие поездки были редкими, но даже так они давались Косте с огромным трудом. Его терзала мысль о том, что он отправил за решетку лучшего друга, пообещав ему, что все изменит, – и ничего не изменил!

Валерка Солодов никогда его ни в чем не обвинял, однако это было и не нужно. Сам для себя Костя был самым строгим судьей и прокурором. Он не сдавался, он все еще надеялся найти того урода, который их подставил, хотя прогресса не было даже на горизонте. Косте порой казалось, что он стоит перед глухой бетонной стеной, в которой нет и никогда не было двери, а он все ищет, ищет, не в силах остановиться...

А вот Андрей справлялся со всем на удивление хорошо. Нет, когда разговор заходил о Солодове, он, конечно, мрачнел и клялся, что все изменит. Но это только на словах. За те месяцы, что прошли после суда, он даже не попытался что-то сделать.

Костя знал, что дела у Андрея идут хорошо. Они оба кое-как справлялись, начинали с нуля после той мутной истории. Но если для Кости это обернулось неплохим доходом, то для Андрея – настоящим богатством, истинный масштаб которого Костя заметил с большим опозданием.

– Ну что, приезжай ко мне на новоселье! – торжественно объявил Андрей.

– Какое еще новоселье?

– Да вот, домик себе нашел, ремонт наконец-то закончил...

– Какой домик? – нахмурился Костя.

Этой ночью мысли о Валере, бледном, осунувшемся, будто постаревшем за месяц на десять лет, снова не давали ему уснуть, и соображал он не слишком быстро.

– Так ты видишь, какой бардак в Москве творится? – Андрей кивнул на окно, за которым мерцал солнцем мирный весенний день. – А у меня – семья, ребенок маленький, мне все это не нужно! Вот я и решил: нужно покупать дом. Строить семейное гнездо, так сказать!

– Откуда деньги?

Прозвучало жестче и холоднее, чем хотел Костя, но объясняться он не стал. Его раздражали все эти разговоры о семейных гнездах – как будто с их другом ничего и не произошло!

– Ты знаешь, откуда, вместе зарабатывали! – возмутился Андрей.

– Вот именно, вместе, и я знаю, сколько мы сейчас зарабатываем. А еще знаю, какие у тебя долги.

– С долгами покончено!

– То есть, ты и с долгами покончил, и домик в деревне купил?

– А что такого?

– За дурака меня держишь? – вздохнул Костя.

– Да, за дурака! – вспылил Андрей. – Но не по той причине, о которой ты думаешь! Мы нормально зарабатываем, Костян, а будем еще больше! Весь этот бардак закончится и наступит наше время, время таких, как мы! Будет только лучше! Но уже сейчас все хорошо. Ты спрашиваешь, откуда у меня деньги? А ты посчитай, сколько ты потратил на помощь Валерке, и поймешь, что у тебя было столько же, сколько у меня, просто распорядились мы этим по-разному.

Считать Костя как раз умел, но суммы все равно не сходились. Впрочем, он не был уверен в этом до конца, и решил пока не обвинять Андрея открыто.

По крайней мере, не в мошенничестве. У него хватало других причин для обвинений.

– Ах да, я и забыл, что один из нас просто вычеркнул его из жизни.

– Ничего я не вычеркнул, – поморщился Андрей. – Просто я видел, что там дело гиблое, и решил не тратиться впустую. У меня же семья!

– Да, я слышал. То есть, все, что ты обещал ему, когда он спасал нас с тобой, больше не имеет значения?

– Не драматизируй, а? Я просто жду лучших времен, тех, когда помогать Валерке станет проще!

– Да, только ты ждешь их в теплом новом домике с женой и ребенком, а Валера – в сырой норе. Но тебе удобней не ездить туда, не видеть всего этого, не думать о нем, и тогда, конечно, все будет хорошо.

– Вижу, ты настроен на скандал. Нет, я в этом участвовать не буду, я не позволю тебе обвинить меня в том, в чем я совсем не виноват! Это у тебя нет жизни, вот ты и не отвлекаешься от Валерки и его проблем. Так заведи ее, а не пытайся разрушить мою!

Не дождавшись его ответа, Андрей поспешил покинуть комнату, да еще и дверью хлопнул напоследок. Он уходил от разговора в самом прямом смысле, старательно изображая из себя униженного и оскорбленного, и от этого становилось только хуже.

Костя понятия не имел, кому верить и что делать дальше.

* * *

Это было не худшее пробуждение в его жизни, но уж точно не одно из лучших. В первые секунды казалось, что болит у него все, будто его полчаса избивали ногами в какой-нибудь гнилой подворотне Кабула. Но Илья знал, что первым секундам доверять нельзя: тело еще не проснулось окончательно, разум замутнен, и суждение получится сомнительное.

Поэтому он терпеливо ждал – и не зря. Постепенно боль становилась более понятной, различимой, и он с уверенностью мог сказать, что его не переехали на катке, а изрезали стеклами. С этой мыслью пришло и нужное воспоминание обо всем, что случилось накануне.

Илья приоткрыл глаза, позволяя себе привыкнуть к свету, и осмотрелся по сторонам. Он был не в больнице – и не в наручниках. Значит, его последнюю просьбу не только услышали, но и восприняли всерьез, уже неплохо!

На этом сюрпризы не закончились. Медленно, осторожно осматривая себя, он обнаружил, что раны отлично перевязаны, некоторые даже зашиты. Похоже, судьба, покалечившая его так нелепо, смутилась и послала ему помощь. Илья понимал, что в ближайшие часы ему лучше не дергаться, потому что тогда эти хлипкие швы могут разойтись. Но и остаться на месте он не мог: на фоне острой боли порезов просыпалась, обнажая клыки, другая боль, глубокая, глухая, гораздо более опасная. С ней нужно было срочно что-то делать.

Поэтому Илья поднялся с кушетки, на которой его оставили. Он уже видел это место раньше, знал, что находится в комнате отдыха. Еще бы, в том состоянии, в котором он был, его далеко бы не потащили!

Дверь, ведущая в коридор, оказалась заперта, и Илья невесело усмехнулся. Что ж, это логично, никто не стал бы ему доверять после такого знакомства! Но ему сейчас и не обязательно было прорываться в коридор, поэтому он не стал касаться кодового замка. Да после того случая с окном он вообще ничего трогать не собирался!

Илья подозревал, что между спортзалом и комнатой отдыха есть дверь, и не ошибся. И эту дверь как раз не заперли, так что если бы он намеревался выйти отсюда и кого-то убить, у него получилось бы.

Но он не собирался, он не ради того сюда пришел, а уж после того, как ему помогли, это было бы скотством. Он направился в спортзал, потому что иначе не мог. Илья помнил о том, что нужно действовать быстро: в ближайшее время его спасительница вернется, и его ждет неприятный разговор. Но возле зловещей лужи крови на светлом полу он не мог не задержаться. И вот это все – из него? Да, дела его были плохи... Не удивительно, что теперь голова так кружится! Как странно, иронично даже... После всего, что он пережил, он мог погибнуть вот так глупо!

Но смерть есть смерть, итог всегда один, так что смеяться Илье не хотелось.

Он не без труда оторвал взгляд от багряного озера и направился к стене. Там все еще лежала его сумка – пустая, словно доказывающая, что вор из него паршивый. Он наклонился над ней, пошатнулся, но устоял, держась за стену. Лежать ему еще и лежать, пока он в норму придет... Пока же он достал из потайного кармана упаковку таблеток и поспешил проглотить две из них. Осталось меньше, чем он ожидал, но на пару дней хватит, а после этого силы восстановятся, и он сможет уйти отсюда.

Когда с этим было покончено, Илья поспешил вернуться в комнату отдыха – и вовремя. Потому что механический писк замка предупредил его: дверь открывается.

Сначала в комнату вкатилось нечто непонятное, размерами, кажется, немногим превосходящее теннисный мяч. Короткие лапки донесли круглое бело-рыжее тельце до кушетки, на которой лежал Илья, и снизу донесся высокий щенячий лай, который самому песику наверняка казался удивительно грозным.

Следом за песиком вошла его владелица – высокая худая девушка в черном спортивном костюме. Она была бледной, но не от болезни, ей от рождения досталась чистая фарфоровая кожа, и рядом с Ильей в его нынешнем состоянии это наверняка было особенно заметно. Вьющиеся волосы она небрежно собрала на затылке, однако несколько прядей все равно выбились из-под резинки и теперь падали на тонкое лицо с мелкими лисьими чертами. Темно-голубые, почти синие глаза смотрели на Илью с настороженностью, но без страха.

Девушка принесла с собой бутылку питьевой воды и стакан. Она налила полный стакан и протянула Илье.

– Можно убрать волкодава? – поинтересовался Илья, указывая на заливающегося лаем песика. Голос звучал непривычно хрипло, и горло саднило. – Я, может, собак боюсь до потери сознания!

– Так вот почему ты отрубился вчера, – усмехнулась девушка. – Супчика испугался!

– Кого?..

– Его Супчик зовут. Меня – Кира.

– Супчик – это вроде как его роль на черный день, План Б, если запасы кончатся?

– Нет, Супчик – это его бурное прошлое в кругу бомжей. Несостоявшееся прошлое.

– Ох ты ж... Тогда ладно, пусть лает, сколько угодно. Я, кстати, Илья.

– И вор, – напомнила хозяйка дома.

– Несостоявшийся, как и Супчик. Если не веришь мне, можешь проверить мою сумку, она валяется где-то в спортзале.

– Ага, на берегах кровавого Байкала, – поежилась Кира. – Но, знаешь, полиция будет не слишком впечатлена тем, что ты ничего не украл. Ты для них все равно вор.

– Я знаю, – помрачнел Илья. – И я благодарен тебе, что не сдала меня.

– Я могу и передумать, так что начинай говорить.

Он не стал спрашивать, что именно она хочет услышать, это и так было понятно. И хотя Илью по-прежнему мутило от боли и усталости, отмалчиваться он не собирался, его положение было слишком рискованным и полностью зависело от настроения Киры. Поэтому, выпив два стакана воды, он заговорил.

- Что тебе сказать... Что это все ошибка и я попал сюда случайно? Глупо. Я был в чужом доме и меня жажнуло током, когда я пытался вскрыть роллеты на окне, так что, думаю, на доставщика пиццы я уже не потяну. Да, я влез сюда, чтобы ограбить этот дом, и оправданий вроде «у меня жена и десять детей, пожалейте, тетенька» у меня нет. Если это хоть как-то меня извиняет, я не знал, что здесь кто-то будет.

- Ты не знал, в чей дом лезешь?

- В том-то и дело, что знал - и хозяин, насколько мне известно, мертв!

Кира не сводила с него внимательных синих глаз, и Илья понятия не имел, о чем она думает, верит ли ему. Хотелось, чтобы верила.

- Так как звали хозяина? - поинтересовалась она.

- Экзаменуешь? Ладно. Шереметьев Константин его звали. Охрененно богатый мужик был - и свое состояние сколотил, и у партнера, вроде, отжал. Из-за его смерти большой скандал с наследством поднялся, об этом сейчас много где пишут, имущество опечатано. Я решил воспользоваться этим, влез сюда, а тут - ты.

- Не похож ты, если честно, на вора.

- Тебя послушать, так это недостаток! - рассмеялся Илья. - Мол, не вор ты, братуха, не вор и не примазывайся!

Однако Кира к его смеху не присоединилась и даже не смутилась.

- Да, это недостаток, - кивнула она. - Потому что если ты не вор, ты можешь оказаться кем-то похуже.

А она умнее, чем кажется...

- Я не знаю, что тебе еще сказать, - вздохнул Илья. - Я не в том состоянии, чтобы угрожать тебе, да и не мое это - женщинам угрожать. Да, ты можешь вызвать полицию. И мне тогда будет хреново, потому что даже с этим сорвавшимся

ограблением, за мной хватает грехов, за которые меня можно прикрыть. Я не знаю, как бы я поступил на твоём месте. Я даже не знаю толком, кто ты!

– Одна из тех наследниц, которые сейчас грызутся за имущество Шереметьева, – фыркнула она. – Как видишь, я имею полное право находиться здесь, а ты – нет.

– Верно до тошноты. Но уйти прямо сейчас я не могу, даже если ты меня отпустишь без ментов – чую, рухну по дороге. Поэтому было бы неплохо, если бы ты позволила мне отлежаться здесь пару дней. А я обещаю, что ничего не трону, даже коробок спичек отсюда не вынесу.

– Честное воровское? – фыркнула Кира.

– Что, совсем дурацки звучит?

– Да, как-то не очень.

– Но ничего больше предложить не могу, потому что у меня ничего и нет.

Он ждал, а Кира не спешила с ответом. Она молчала, разглядывая его долго, внимательно, словно надеялась, что правда высветится у него на лице, как на мониторе. Илья терпеливо ждал, это был не самый сложный допрос в его жизни.

Она резко вытянула руку вперед, и в какой-то момент ему показалось, что Кира его ударит, но он все равно не отшатнулся, и глазом не моргнул. Какой вред может быть от удара такой ладошкой, в самом-то деле?

Однако Кира не собиралась его бить, она мягко коснулась пальцами его лба.

– Температура у тебя точно повышенная, хоть и не лихорадка, – сказала она. – Ты прав, тебе нельзя в таком состоянии по лесам шататься. Ладно, лежи уже, потом посмотрим, что с тобой делать. Пока пей воду, а я приготовлю завтрак. Кстати, обещание я твое принимаю... Посмотрим, сколько стоит твое слово!

* * *

1991 год.

Костя все-таки пришел, хотя и не был уверен, что поступает правильно. Он был вынужден признать, что совсем запутался. На чьей стороне нужно быть? Кого он предаст одним поступком, кого – другим? Пока ответа не было, он решил плыть по течению. Ему нужно было увидеть все своими глазами, посмотреть на этот «дешевенький деревенский домик», который купил Андрей, разобраться, есть ли причины для подозрений.

Причины были. Домик оказался хоть и деревенским, но далеко не простым и дешевеньким. Это и правда было неплохое место для семьи, вот только у Андрея, еще недавно тонувшего в долгах, никак не хватило бы на него денег! Накануне праздника Костя еще раз проверил все бумаги компании и убедился, что не ошибся.

А деньги все равно были. Это наталкивало на не самые приятные мысли.

Празднование новоселья тоже было не скромным, гостей собралось столько, что Костя терялся среди них, как в толпе. Он бы не нашел Андрея, если бы тот сам не подошел к нему.

– Что ты опять ходишь хмурый? – расхохотался он. – Всем весело!

– Да, я... Я вижу, – натянуто улыбнулся Костя.

– Рано ты, брат, постареть решил, слишком рано! Пей лучше. Думаешь, это какая фигня? Настоящий деревенский самогон, тесть мой делает. Смотри, у всех праздник, не порти его!

У всех, кроме Валеры. Но упоминание об этом и было бы той «порчей праздника», которой так боялся Андрей.

Поэтому Костя и правда старался всеми силами отгородиться от собственной тревоги. Он пил, но даже алкоголь не приносил долгожданного спокойствия. Тело пьянело, и ему едва удавалось держаться на ногах, однако разум оставался беспощадно трезвым и подмечал все.

В какой-то момент он почувствовал, что больше не может этого выносить. Хватит уже тщеславия, пора поговорить честно! Тот самый деревенский самогон, которому полагалось расслабить Костю, придал ему решимости. Он начал проталкиваться сквозь толпу, стараясь поскорее найти Андрея.

Но тот вновь сам его отыскал, и пришел он не один. Его сопровождала Карина, его жена, а с ней – удивительно красивая молодая девушка. В ней, казалось, было все, что Косте нравилось в женщинах: нежное лицо, застенчивый взгляд, соблазнительная фигура. Он раньше и не думал, что эти черты могут так идеально сочетаться в одном человеке!

От удивления он даже позабыл, куда и зачем шел. Андрей, который, несмотря на восхваление самогона, был трезвее младенца, мгновенно заметил его реакцию.

– О, вижу, понравилась тебе наша куколка!

Незнакомка вспыхнула и низко опустила голову, похоже, она не привыкла к такой грубости. Она старалась спрятаться за спину Карины, значит, это была ее подруга, а не Андрея. Да оно и понятно, знакомые Андрея сейчас по саунам сидят!

– Андрюша, не хама, – строго велела Карина. Она повернулась к Косте и улыбнулась ему. – Привет, сегодня еще не виделись! Это Таня, моя бывшая одноклассница. Я просто посмотрела, что ты сегодня один, и Таня тоже сидит весь день на стульчике, стесняется. Может, составишь девушке компанию?

– Да не надо, вы что, неловко как-то... – пробормотала Таня. – Все хорошо!

– Но я буду рад, – поспешил заверить ее Костя.

– Мне не хочется быть обузой...

– Вы мне не мешаете, нечему здесь мешать!

– Они даже на вы! – хохотнул Андрей. – Какая прелесть!

Карина шутливо толкнула его кулачком в бок.

– Не всем же такими грубыми сапожниками быть! Отдыхайте, ребята, день-то хороший, что вы, в самом деле!

Они ушли, а Таня осталась рядом с ним. Может, если бы она вела себя так же развязно, как Андрей, или оказалась такой же жизнерадостной хохотушкой, наваждение бы спало. Однако она была тихой феей, всегда говорившей негромко, наивной и смущенной. Чем больше времени Костя проводил с ней, тем больше она очаровывала его. Он уже и забыл, почему был насторожен раньше, зачем искал Андрея, о чем хотел спросить.

Была Таня, были ее серые глаза – и они закрывали собой весь мир.

* * *

Не похож он был на вора, совсем не похож, и Кира действительно не знала, радоваться этому или расстраиваться. Ее неожиданный сосед оказался умным, он никогда не повышал голос и разглядывал ее так, будто видел насквозь. Хотя... так ли много она знала о ворах? Он ведь не по подъезду ходит, проверяя, кто оставляет дверь открытой, чтобы каракулевую шапку умыкнуть! Он явился в особняк очень богатого человека, а значит, и среди преступников он не совсем обычный.

Что это может значить для нее? Непонятно. Ей оставалось лишь надеяться, что он сдержит свое слово. Пока же Кира вынуждена была признать, что ей стало спокойней. Так вот странно получилось... Она оставила в доме реальную угрозу вместо мифической, придуманной ею же, однако на душе от этого стало легче. Так что, когда Мирин позвонил ей, чтобы узнать, как дела, она ни слова не сказала про Илью.

При этом Кира была уверена, что он весь день проведет в постели, она даже позволила ему выбрать одну из свободных спален. Он предложение принял, но снова удивил ее: не прошло и часа, как она столкнулась с ним в коридоре.

– Самоубийца, что ли? – нахмурилась Кира.

Вряд ли он пришел напасть на нее, ему удавалось удерживаться на ногах, лишь опираясь на стену. При этом Илья не выглядел страдающим, свою слабость он воспринимал просто как обстоятельство. Вроде как – нужно опереться на стену? Хорошо, вопросов нет!

От его рубашки остались одни лоскуты, поэтому он взял майку из вещей Шереметьева. Она, рассчитанная на обладателя более внушительного живота, была ему велика, однако Илью это вряд ли заботило. Бледный, с темными кругами под глазами, он был похож то ли на выздоравливающего после гриппа, то ли на алкоголика с похмелья, то ли на зомби. Но при этом соображал он отлично и даже умудрился подмигнуть Кире.

– Что, страшен? Это пройдет. Я решил составить тебе компанию.

– Зачем это?

– Ты выглядела испуганной...

– Я не испугана! – прервала его Кира.

– Ну, хорошо, ты выглядела взволнованной. Значит, собираешься делать что-то такое, что тебе не нравится, и я решил, что делать это в моем присутствии может быть не так тоскливо.

А ведь она оставила его здесь во многом из-за того, чтобы не проходить через это одной... Однако у Киры и в мыслях не было просить его о помощи!

С другой стороны, почему нет? Илья с этой историей не связан, он – вор, так что болтать о том, что услышал от нее, не станет. А мужик он умный, может, и посоветует что-то. К тому же, он достаточно упрям, чтобы потащиться за ней, даже если она ничего ему не объяснит.

Поэтому Кира не стала отмалчиваться. Она рассказала ему обо всем, что произошло с ней за последние дни – и рассказ этот получился не слишком длинным. Вот так то, что меняет твою жизнь, можно уместить в несколько коротких фраз...

Илья слушал ее внимательно, хотя несложно было заметить, что он удивлен не меньше, чем она. Но его удивление было объективным, его поражало, что такое могло с кем-то произойти. Он, похоже, ни на секунду не усомнился, что она говорит правду, и это вдохновляло.

- То есть, ты этого Шереметьева не видела раньше? - уточнил он, когда Кира закончила. - Может, работала на его компанию или жила по соседству?

- Думаешь, я сама не пыталась вспомнить? Я его в глаза не видела, говорю же! И имя его не слышала, пока мне адвокат не сказал. Так что те наследники, о которых ты читал в интернете - это не я. Но грабить ты, получается, пришел уже меня.

- Сказал же, что не буду. Так что ты собираешься делать?

- Честно? Разгадывать тот квест, что он мне оставил.

- Все это похоже на обман, - указал Илья.

- Похоже. Но я не думаю, что Шереметьев умер исключительно для того, чтобы меня разыграть! Да и потом, пока что следовать его указаниям несложно, мне даже дом не нужно покидать.

- Ты уже знаешь, где следующая подсказка?

- К ней и иду, - кивнула Кира. - Он сказал, что это связано с тем, что я любила больше всего в детстве, а я больше всего любила читать. Я посмотрела план усадьбы, и оказалось, что в «Саду камней» есть библиотека. Следующая подсказка точно там, проще простого!

Однако когда они оба добрались до библиотеки, оказалось, что «проще простого» тут не будет.

Зал с книгами был огромным. Он занимал целое крыло особняка и был разделен на несколько уровней, связанных между собой подвесными мостиками. Кира не бралась даже предположить, сколько томов собрано в этих стенах! Среди полок попадались уютные диванчики, где можно было устроиться с книгой и почитать,

настоящие беседки, закрывавшие от мира. В другое время Кира была бы в восторге, потому что эта библиотека была лучшим воплощением того сказочного мира, о котором она всегда мечтала.

Но сейчас это разнообразие оказалось некстати. Что она должна была найти среди этого изобилия? Что вообще могла найти?

- Та-а-ак, - протянул Илья. - Ну и что теперь? Это точно подсказка - или издевательство?

- Вот уж и не знаю...

- Что мы вообще должны искать?

- Мы? - переспросила Кира. - Ты-то что искать собрался? Ты едва на ногах стоишь!

- Пусть мои ноги тебя не беспокоят... Или беспокоят, но никак не из жалости, - усмехнулся он. - Красавица, я все равно буду здесь бродить. Если ты дашь мне какие-нибудь ориентиры, я, может, и помогу тебе.

- Во-первых, не называй меня красавицей, это скорее пошло, чем мило. Во-вторых, я и сама не знаю, что искать. Могу только предположить, что это что-то неожиданное, то, чего здесь быть не должно, или...

Она запнулась, удивленная собственной догадкой. Шереметьев не мог сделать подсказку очевидной, тогда проще было все написать в письме! Нет, это должно быть что-то такое, что понятно только ей.

- Или что? - поторопил ее Илья.

- Или это, чем бы оно ни было, отмечено камнями.

- Камнями?..

- Полудрагоценными камнями - ну, знаешь, вроде агата, сердолика... Чем угодно в таком роде. Только не говори мне, что вор не разбирается в камнях!

– В камнях я разбираюсь, а при чем тут они – даже спрашивать не буду. Ладно, давай искать.

Он действительно остался с ней, хотя толку от него было немного. Илья не стоял на месте, но и прыгнуть выше головы он не мог. Травма, которую он получил, была слишком велика, еще и суток не прошло с тех пор, как он чуть не погиб. Сначала он скользил от полки к полке безликой тенью, а потом сдался и устроился на диване. Супчик, который решил удостоить его доверием, улегся спать у его ног, и по залу теперь бегала одна Кира.

Поиск раздражал ее, но она не готова была сдаться. Чем здесь еще заняться? Что бы ни оставил ей Шереметьев, оно должно быть важным, оно того стоит!

Современные книги она обходила стороной, стараясь держаться поближе к старым переплетам. Среди них вполне можно было найти инкрустацию камнями, хотя пока Кира видела лишь позолоту. Она устала, она почти готова была сдаться, когда ей наконец повезло.

На одном из переплетов был выложен узор – тонкими пластинами яшмы! Красные и коричневые камни были расписаны самой природой, и сложно было найти более искусного мастера. Сочетание оттенков, формы, блеск – здесь все было удивительным, словно звавшим Киру, указывавшим, что это – послание для нее, подарок от человека, которого она даже не знала.

Не без труда подняв тяжелый фолиант, Кира с удивлением обнаружила, что это не книга. Под кожаной обложкой скрывался фотоальбом, и снимки, застывшие на плотных желтых страницах, были далеко не древними. Цветными даже, хотя краски и качество съемки указывали, что фотографии были сделаны давно, явно в двадцатом веке.

– Кира! – позвал Илья. – Ты чего остановилась?

– Откуда ты знаешь, что я остановилась? Я же в другом конце зала!

– Так тебя услышать несложно, ты топчешь, как слоненок!

– Вот уж нет! – возмутилась Кира. Хотя, пожалуй, не следовало удивляться, что у вора острый слух.

– Как есть. Так что случилось?

Вместо ответа она подошла к нему с фотоальбомом. Листать такую массивную книгу на весу она все равно не смогла бы, так что столик, расположенный перед диваном, оказался весьма кстати.

Снимки в альбоме были очередной непонятной подсказкой: они ни о чем не говорили Кире. Она не знала этих людей – но ее зачем-то заставили заглянуть в их жизнь! Причем самую обычную: празднование Нового года, свадьба, чей-то день рождения... Что это вообще, как связано с ней? Да она, скорее всего, и не родилась еще, когда это происходило!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ol-hovskaya_vlada/sad-kamney

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)